

АЛЕКС СКАЙ

Правила
созданы,
чтобы их
нарушать

Регламент —
не указ!

Тышка
ПРОТИВ
РЕГЛАМЕНТА,

или
БОССУ НЕЛЬЗЯ
СМЕЯТЬСЯ

КОФЕ
МОЙ,
ПРАВИЛА
ТОЖЕ

План:
1. Не бояться
2. Повзрдеть
3. Выдохнуть

Алекс Скай

**Пышка против регламента,
или Боссу нельзя смеяться**

«Автор»

2026

Скай А.

Пышка против регламента, или Боссу нельзя смеяться /
А. Скай — «Автор», 2026

Варя Плюшкина всего лишь хотела отправить подруге мем про генерального директора. Но один неловкий клик — и шутка про Марка Громова улетает в общий корпоративный чат. Теперь весь офис знает: строгий, властный и безупречно холодный босс улыбается примерно раз в квартал. По согласованию с юридическим отделом. Варя готовится к увольнению, потере премии и торжественному выносу из здания вместе с любимой кружкой. Но Марк Громов неожиданно решает иначе. Вместо наказания он назначает её ответственной за самый опасный проект в компании — сделать его образ живым, человечным и хотя бы иногда похожим на человека, который не отменил весну личным распоряжением. Она — пышная, остроумная, упрямая и слишком честная для безопасной офисной жизни. Он — босс, привыкший всё контролировать, включая эмоции, сроки и чужие паузы. Смешная, острая и нежная история о любви, достоинстве и боссе, которому всё-таки можно смеяться.

Содержание

Глава 1. Мем, который стоил мне премии	5
Глава 2. Босс, которому прописали улыбку	22
Глава 3. Пункт 7.3: не раздражать генерального	40
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Пышка против регламента, или Боссу нельзя смеяться

Глава 1. Мем, который стоил мне премии

Варя Плюшкина поняла, что её карьера пошла по наклонной, в тот самый момент, когда весь тридцать седьмой этаж перестал дышать.

Не в переносном смысле. Именно перестал.

В переговорной за стеклянной стеной замерли юристы. У кофейного автомата застыла Алла Сергеевна из отдела кадров с бумажным стаканчиком в руке. В зоне опенспейса кто-то не донёс до рта круассан. Даже принтер, обычно оравший так, будто пытался подать жалобу в вышестоящую инстанцию, вдруг выдал последний лист и замолчал.

На экранах телефонов, ноутбуков и корпоративных мониторов сияло одно и то же изображение.

Марк Громов.

Генеральный директор компании «Громов Девелопмент». Человек, при появлении которого секретари переставали шептаться, мужчины поправляли пиджаки, женщины — мысли, а стажёры начинали уважать трудовое законодательство на каком-то инстинктивном уровне.

На фотографии он стоял у панорамного окна главного конференц-зала: тёмный костюм, стальной взгляд, идеальная осанка, руки сцеплены за спиной. Весь такой дорогой, холодный и безупречный, что его можно было ставить в холле вместо скульптуры с табличкой: «**Дисциплина. Бронза, гранит, ипотека сотрудников**».

А поверх фотографии крупными белыми буквами было написано:

Марк Громов улыбается раз в квартал.

По согласованию с юридическим отделом.

И ниже — маленькая подпись, которую Варя добавила, пока ехала в лифте и думала, что отправляет картинку Лизе:

Если вы видели его улыбку чаще — немедленно сообщите в бухгалтерию. Это может быть ошибка начисления.

Варя смотрела на общий чат компании, где под мемом стояла её фамилия, имя и должность:

Варвара Плюшкина, отдел корпоративных коммуникаций.

И впервые за свои двадцать семь лет искренне пожалела, что её родители не называли её как-нибудь менее запоминающе. Например, Анной. Или Еленой. Или просто «Сотрудник 481-Б», чтобы сейчас можно было раствориться среди оргтехники и сделать вид, что её никогда не существовало.

Телефон в ладони завибрировал.

Лиза:

Ты жива?

Варя медленно перевела взгляд на соседний стол.

Лиза Корнеева, бухгалтер с лицом ангела и характером человека, который может одним взглядом найти ошибку в чужом отчёте за прошлый год, сидела в трёх метрах и смотрела на Варю так, словно перед ней прямо сейчас разворачивалась премьера офисной трагикомедии.

Варя напечатала:

Пока да. Но чувствую, это временная должность.

Лиза:

Я не понимаю одного. Как ты могла отправить это в общий чат?

Варя:

Профессионализм. Годы опыта. Талант. Толстые пальцы.

Лиза подняла на неё глаза. На губах подруги дрожала улыбка, но бухгалтерская дисциплина пока держала оборону.

Варя попыталась улыбнуться в ответ, однако вышло что-то среднее между «всё под контролем» и «завещаю тебе мой степлер».

В общем чате тем временем творилось страшное: никто ничего не писал.

Вообще.

Двести восемьдесят шесть человек увидели мем про генерального директора — и все дружно решили, что печатать сейчас опаснее, чем спорить с Марком Грозовым о сроках сдачи проекта.

Молчание длилось пятнадцать секунд.

Потом двадцать.

Потом двадцать семь.

На двадцать восьмой секунде кто-то из отдела аренды не выдержал и поставил реакцию смеющимся смайликом.

Варя закрыла глаза.

— Первый пошёл, — прошептала Лиза.

Следом появился второй смайлик. Потом третий. Потом кто-то поставил огонёк. Потом — аплодисменты. Потом, видимо потеряв связь с инстинктом самосохранения, менеджер из закупок написал:

Это лучшее, что случалось с нашим корпоративным чатом за пять лет.

Через секунду сообщение исчезло.

Но все успели.

Опенспейс ожил не сразу, а волной. Сначала кто-то фыркнул. Потом сдавленно кашлянул. Потом у стойки с папками раздался короткий смешок, который тут же попытались задуть деловым покашливанием. Через минуту весь этаж уже существовал в странном режиме: сотрудники смотрели в экраны, делали страшно серьёзные лица и тряслись плечами, как люди, которые проигрывают битву с приличием.

Варя не смеялась.

Варя мысленно прощалась с премией.

С той самой премией, ради которой она весь месяц писала пресс-релизы о жилом комплексе «Северное сияние» так, будто там не квартиры с видом на парковку, а портал в новую счастливую жизнь. Она подбирала слова для интервью Марка Громова, где его фраза «рынок требует точности» должна была звучать не как угроза, а как вдохновляющий управленческий тезис. Она три ночи подряд переписывала презентацию для инвесторов, потому что Марк вернул файл с комментарием: **«Слишком человечно»**.

Слишком человечно.

Вот теперь компания получила человечность с доставкой в общий чат.

И с её фамилией.

— Варя, — осторожно позвала Лиза.

— Нет, — сказала Варя.

— Я ещё ничего не предложила.

— Всё равно нет. Я не буду прятаться в архиве, увольняться через окно, менять фамилию или делать вид, что это был мой злой двойник.

— А если сказать, что это маркетинговый эксперимент?

Варя посмотрела на подругу.

— Лиза, я отправила мем про генерального директора в общий чат. Какой эксперимент?

— На вовлечённость персонала.

— Меня вовлекут в увольнение.

— Не факт.

— Согласна. Возможно, сначала в беседу.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз не личный чат. Не общий. Не корпоративные смайлики смерти.

Сообщение пришло от секретаря генерального директора.

Елена Викторовна:

Варвара Андреевна, Марк Романович просит вас подняться к нему. Сейчас.

Варя прочитала сообщение один раз.

Потом второй.

Потом зачем-то третий, как будто между строк мог появиться купон на помилование.

Не появился.

Лиза медленно повернула к ней голову.

— Он просит?

— Просит, — сказала Варя. — Через секретаря. Очень вежливо. Значит, всё серьёзно.

— Может, он оценил юмор?

Варя подняла брови.

— Марк Громов?

— Ну... теоретически.

— Лиза, этот человек однажды вернул новогоднее поздравление для партнёров, потому что фраза «пусть год принесёт радость» показалась ему недостаточно измеримой.

Лиза открыла рот, потом закрыла.

— Да. Аргумент.

Варя отложила телефон экраном вниз и встала.

Офис сделал вид, что не смотрит.

Это было особенно забавно, потому что все смотрели. Даже те, кто сидел к ней спиной, каким-то образом смотрели затылками. Кто-то опустил глаза в таблицу. Кто-то резко заинтересовался содержимым кружки. Кто-то открыл документ с таким видом, будто именно сейчас решал судьбу мировой архитектуры.

Варя поправила пояс на тёмно-зелёном платье, которое с утра казалось ей удачным. Сейчас платье казалось предателем: слишком заметным, слишком красивым, слишком «вот она, автор мема, не перепутаете». Волосы, собранные утром в мягкие локоны, наверняка выглядели слишком живыми для похода на профессиональную казнь. А красная помада, выбранная под настроение «я сегодня королева пресс-релизов», теперь выглядела как заявление: да, это я, и я ещё успела накраситься.

— Я пойду, — сказала она.

— Держись, — шепнула Лиза.

— Если не вернусь, заberi мой кактус.

— У тебя нет кактуса.

— Тогда купи. Пусть хоть кто-то в этом офисе колется законно.

Лиза прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

Варя пошла к лифтам.

Путь через опенспейс оказался длиннее, чем обычно. Странное дело: когда человек несёт документы, кофе или остатки уверенности в завтрашнем дне, расстояние от рабочего стола до

лифта не превышает двадцати шагов. Но когда человек идёт к генеральному директору после публичного мема про его улыбку, офис превращается в подиум длиной с аэропорт.

У самой двери переговорной её догнал Артём из отдела продаж — высокий, улыбчивый, всегда пахнувший дорогим парфюмом и уверенностью человека, который умеет продать даже комнату без окон как «пространство для внутреннего роста».

— Варя, — тихо сказал он, — это было гениально.

— Спасибо. Напиши это в характеристике, когда меня будут выводить из здания.

— Думаешь, всё настолько плохо?

— Артём, Марк Романович однажды заставил переделать буклет, потому что на фото ребёнок слишком весело держал воздушный шар.

— Почему?

— По его мнению, шар отвлекал от архитектурной концепции.

Артём посмотрел на неё с уважением, в котором уже читалось: «Я рад, что не я».

— Удачи.

— Спасибо. Передай потомкам, что я боролась.

Лифт открылся бесшумно, как дорогая ловушка.

Варя вошла внутрь и нажала кнопку сорокового этажа.

Там находился кабинет Марка Громова.

Сороковой этаж в компании называли Олимпом. Не официально, конечно. Официально он назывался «административный уровень». Но все знали: чем выше этаж, тем меньше там случайных людей и тем больше ковров, по которым страшно ходить на каблуках. На сороковом этаже даже воздух казался другим — более дорогим, более строгим и совершенно не склонным к мемам.

Лифт ехал слишком быстро.

Варя смотрела на своё отражение в зеркальной стене и пыталась решить, какое выражение лица лучше подходит женщине, которая только что сделала генерального директора корпоративной легендой.

Испуганное? Нет. Слишком скучно.

Раскаившееся? Возможно, но ей мешала честность: мем был смешной.

Деловое? Да, если бы деловое лицо не выглядело на ней как попытка кота притвориться аудитором.

В итоге Варя выбрала нейтральное выражение: «я признаю факт произошедшего, но не готова добровольно отдать премию без борьбы».

Двери открылись.

Сороковой этаж встретил её тишиной, светлым камнем на полу, стеклянными стенами и приёмной, где за идеально пустым столом сидела Елена Викторовна — секретарь Марка Громова. Женщина, способная одним взглядом заставить курьера извиниться за погоду.

Елена Викторовна подняла глаза.

— Варвара Андреевна.

— Елена Викторовна.

Они посмотрели друг на друга с вежливостью двух дипломатов, между странами которых только что начался конфликт из-за картинки в чате.

— Марк Романович ждёт, — сказала секретарь.

— Прекрасно, — ответила Варя. — Я тоже. В некотором смысле.

Елена Викторовна едва заметно моргнула. В её мире это, вероятно, считалось бурной эмоциональной реакцией.

— Проходите.

Варя подошла к огромной двери из тёмного дерева. На секунду остановилась, вдохнула и постучала.

— Войдите, — прозвучало изнутри.

Голос Марка Громова был ровным, низким и таким спокойным, что Варя захотелось вернуться в лифт и поехать куда угодно. В бухгалтерию. В архив. В Подольск. На дно таблицы Excel.

Она открыла дверь.

Кабинет генерального директора был похож на своего хозяина: дорогой, строгий и без единой случайной детали. Панорамные окна во всю стену. Большой стол без бумажного хаоса, без личных фотографий, без кружек с надписями вроде «лучший босс». Кожаные кресла. Полки с архитектурными макетами. На стене — карта проектов компании. Всё говорило: здесь принимают решения, от которых у людей появляются ипотеки, дедлайны и нервное уважение.

Марк Громов стоял у окна спиной к двери.

Чёрный костюм сидел на нём безупречно. Широкие плечи, прямая спина, тёмные волосы, чуть тронутые светом из окна. Даже молчал он так, будто это было частью стратегии.

Варя закрыла дверь и остановилась в трёх шагах от стола.

— Марк Романович, — сказала она.

Он медленно повернулся.

Вживую Марк Громов всегда производил странный эффект. На фото он казался красивым, но холодным. Вживую — опасно живым. У него были резкие черты лица, внимательные серые глаза и тот тип сдержанности, за которым чувствовалась сила. Не театральная, не показная, а привычная. Как будто мир давно понял: с этим человеком лучше договариваться до того, как он сам начнёт задавать вопросы.

Сейчас он смотрел на Варю так, будто она была пунктом повестки, который внезапно начал танцевать на столе.

— Варвара Андреевна, — произнёс он.

— Да.

— Вы понимаете, зачем я вас вызвал?

— У меня есть несколько версий, — сказала Варя. — Но все они начинаются со слов «мне очень жаль».

Его взгляд не изменился.

— Вам жаль?

Варя выдержала паузу.

Вот здесь можно было сыграть безопасно. Опустить глаза. Сказать, что это нелепая случайность. Что картинка предназначалась не для общего чата. Что она глубоко сожалеет, осознаёт, готова понести, впредь не допустит, приложит усилия и вот это всё, чем в корпоративном мире принято устилать путь к прощению.

Но Варя вдруг ясно поняла: если она сейчас начнёт изображать дрожащий листик, Марк Громов её не пожалеет. Он вообще не выглядел человеком, который высоко ценил дрожащие листики. Скорее, он сразу поручил бы кому-нибудь выяснить, почему листик дрожит в рабочее время.

— Мне жаль, что я отправила мем в общий чат, — сказала она. — Это было непрофессионально. Он предназначался одному человеку.

— То есть сам мем вас не смущает?

Варя посмотрела на него.

— Как автору мне сложно быть объективной.

В кабинете стало очень тихо.

Где-то далеко, за стеклом и бетоном, город продолжал жить своей жизнью: машины ползли по проспекту, люди спешили по делам, кто-то наверняка покупал кофе, не подозревая, что в сорока этажах над землёй женщина по фамилии Плюшкина только что решила не врать генеральному директору.

Марк медленно подошёл к столу и взял планшет. На экране, конечно же, был тот самый мем.

Он развернул планшет к ней.

— Это вы сделали?

— Да.

— В рабочее время?

— В лифте.

— На корпоративном устройстве?

— На личном телефоне.

— Но отправили в корпоративный чат.

— Здесь спорить не буду. Технически мой телефон проявил карьерные амбиции.

Марк поднял на неё глаза.

— Вы всегда шутите, когда нарушаете рабочую дисциплину?

— Нет. Иногда я шучу до.

— Варвара Андреевна.

— Простите.

Он отложил планшет.

— Вы работаете в отделе корпоративных коммуникаций. Ваша задача — поддерживать деловую репутацию компании и её руководства.

— Да.

— И вы отправляете двумстам восьмидесяти шести сотрудникам изображение, где генеральный директор выставлен человеком, чья улыбка требует согласования.

— Триста одиннадцати, — тихо поправила Варя.

— Что?

— В общем чате триста одиннадцать участников. Двадцать пять из них, кажется, внешние подрядчики с прошлой конференции. Я не горжусь этой деталью, просто точность важна.

Марк смотрел на неё несколько секунд.

Варя впервые заметила, что у него есть привычка слегка прищуриваться, когда он решает, раздражает его человек или удивляет. Возможно, в её случае шло внеплановое совещание сразу двух вариантов.

— Вы понимаете масштаб?

— Понимаю.

— Последствия?

— Примерно.

— И всё же стоите здесь и уточняете количество участников?

— Вы сами любите точность, Марк Романович. Я стараюсь соответствовать корпоративной культуре.

Его лицо осталось бесстрастным.

Но Варя поклялась бы, что в глубине серых глаз что-то дрогнуло. Не улыбка. Нет, до улыбки там было как до летнего отпуска в январе. Но едва заметная трещина в идеально ровном льду всё же появилась.

Марк сел в кресло и указал на стул напротив.

— Садитесь.

Варя села.

Кресло оказалось слишком удобным для места, где решалась судьба её зарплаты. Это было нечестно. Человек должен страдать на жёстком стуле, если его увольняют. А тут мягкая кожа, приятная посадка и вид на город, словно кабинет намекал: «Наслаждайтесь последними минутами стабильности».

— Сколько вы работаете в компании? — спросил Марк.

— Один год и восемь месяцев.

— Нарекания были?

— Только от отдела продаж. Им не понравилось, что я заменила фразу «уникальное предложение» на «предложение, которое хотя бы не хочется закрыть через три секунды».

— Это было в рекламном тексте?

— В черновике.

— Надеюсь.

— Я тоже.

Марк открыл на ноутбуке какой-то файл. Варя увидела своё имя в верхней строке и внутренне напряглась. Личное дело. Всё, до свидания, премия. Здравствуй, рынок труда. Может, она откроет курсы по созданию мемов для людей без чувства самосохранения.

— Ваши тексты часто хвалят партнёры, — сказал Марк неожиданно.

Варя моргнула.

— Простите?

— Презентация по «Северному сиянию». Пресс-релиз по реконструкции набережной. Публичная речь для форума. Три материала, которые получили положительную реакцию. В двух случаях партнёры отдельно отметили «живой язык». Это ваша формулировка?

— Если «живой язык» — да. Если «динамично развивающаяся городская среда» — меня заставили.

Он поднял глаза.

— Вы сейчас пытаетесь улучшить своё положение?

— Скорее не ухудшить окончательно.

— Получается спорно.

— Зато последовательно.

Марк откинулся на спинку кресла.

— Почему вы сделали этот мем?

Вот он. Главный вопрос.

Варя могла ответить просто: потому что устала. Потому что у неё есть чувство юмора. Потому что Марк Громов действительно улыбался реже, чем бухгалтерия одобряла авансы. Потому что иногда вся корпоративная важность казалась настолько накрахмаленной, что хотелось ткнуть в неё пальцем и проверить, не хрустит ли.

Но всё это звучало не так.

Она посмотрела на него внимательнее. На человека, который сидел перед ней безупречно собранный, слишком спокойный, слишком красивый в своей недоступности. Он не повышал голос, не бросался угрозами, не давил грубостью. И от этого было почему-то сложнее. Злому начальнику легко возражать. А Марк Громов был не злым. Он был как система: холодная, точная, уверенная, что всё живое должно пройти согласование.

— Потому что вы пугаете людей, — сказала Варя.

На этот раз в его взгляде появилась настоящая неподвижность.

— Продолжайте.

— Можно не надо? Мне кажется, я уже достаточно сделала для сегодняшнего дня.

— Продолжайте, Варвара Андреевна.

Она сцепила пальцы на коленях, но спину держала прямо.

— Вы заходите в помещение, и люди перестают быть собой. Они начинают говорить канцеляритом, прятать нормальные мысли под слова «эффективность», «стратегия» и «согласование». У нас талантливые сотрудники, но рядом с вами половина превращается в испуганные презентации на ножках. Я сделала мем не потому, что хотела вас унижить. Я сделала его потому, что в компании есть напряжение, о котором никто не говорит вслух. А юмор иногда показывает правду быстрее, чем отчёт на сорок страниц.

Марк молчал.

Варя поняла, что сказала слишком много.

Очень слишком много.

Есть такие моменты, когда язык первым прыгает с обрыва, а здравый смысл ещё стоит наверху с табличкой: «Я же предупреждал». Варин здравый смысл сейчас именно так и стоял. С укоризной.

— То есть, по-вашему, проблема не в меме, — медленно произнёс Марк. — А во мне.

— Я бы сформулировала мягче.

— Попробуйте.

— Проблема в том, что ваш управленческий стиль вызывает у людей желание смеяться только в чате без вас.

Он посмотрел на неё.

Варя — на него.

Где-то за дверью, наверное, Елена Викторовна уже выбирала папку для документов об увольнении. Цвет папки, скорее всего, был строгий. Чёрный. Или тёмно-серый. В компании Марка Громова даже увольнения должны были выглядеть премиально.

— Вы смелая, — сказал он.

— Не совсем. Просто у меня иногда не работает внутренний фильтр.

— Это заметно.

— Я над этим работаю.

— Недостаточно успешно.

— Согласна.

Марк встал и снова подошёл к окну. Варя проводила его взглядом и вдруг ощутила странное раздражение. Не страх, а именно раздражение. Потому что он был слишком спокойным. Слишком уверенным. Слишком привыкшим, что люди вокруг либо оправдываются, либо стараются понравиться, либо молчат.

А ей не хотелось ни оправдываться, ни нравиться, ни молчать.

Хотя молчание сейчас было бы лучшей стратегией.

— Вы считаете себя незаменимой? — спросил он, не оборачиваясь.

— Нет.

— Тогда почему вы так разговариваете?

— Потому что заменимой быть не стыдно. Стыдно быть удобной и бесполезной.

Он повернулся.

Это попало.

Варя поняла по глазам. На секунду Марк Громов перестал выглядеть как человек, который заранее знает ответ на любой вопрос. Не смягчился. Не растерялся. Просто внимательно посмотрел на неё — впервые не как на сотрудницу, совершившую ошибку, а как на человека, чьи слова требуют не наказания, а анализа.

— Объясните, — сказал он.

Варя выдохнула.

— Я могла бы прийти сюда и сказать, что случайно нажала не туда. Это правда. Могла бы сказать, что глубоко сожалею. Это тоже правда. Могла бы сказать, что вы замечательный руководитель, а мем — глупость. Вот это уже было бы не совсем правда. Вы сильный руководитель. Эффективный. Но у компании сейчас имидж такой, будто мы строим не дома, а административные комплексы для людей, которым запретили радоваться. Это видно в текстах, в выступлениях, в том, как сотрудники говорят с партнёрами. Все пытаются быть похожими на вас. Только у большинства не выходит выглядеть властно. Они выглядят зажатое.

— А у вас, надо полагать, есть решение?

— Есть.

— Любопытно.

Варя сама удивилась, но внутри вдруг включилась работа. Настоящая. Та самая, ради которой её и держали в компании: видеть не только скандал, но и возможность.

Она подалась вперёд.

— Не надо делать компанию смешной. Надо сделать её живой. У нас хорошие проекты, но мы говорим о них так, будто боимся случайно понравиться людям. Покажите не только цифры, но и лица. Не только сроки, но и истории. Не только квадратные метры, но и то, зачем людям вообще туда переезжать. А вы... — она запнулась.

— Что я?

Варя посмотрела на него и почти пожалела о следующей фразе.

Почти.

— А вам иногда стоит выглядеть так, будто вы не лично отменили весну.

Марк медленно вдохнул.

Варя замерла.

Пауза стала длинной, густой, опасной.

А потом произошло невозможное.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

Не улыбка. Конечно, нет. Это было бы слишком. Но что-то близкое к предвестнику улыбки, как первый луч солнца над территорией вечного регламента.

Варя заметила.

И, судя по тому, как Марк тут же снова сделал лицо генерального директора, он заметил, что она заметила.

— Не советую вам считать это успехом, — сказал он сухо.

— Ни в коем случае, — ответила Варя. — Я просто мысленно зафиксировала редкое природное явление.

— Варвара Андреевна.

— Молчу.

— Вы не молчите уже десять минут.

— Я стараюсь постепенно.

Он вернулся за стол, но теперь в его движениях появилась другая энергия. Не просто раздражение. Интерес. Варе это не понравилось. Раздражённый босс опасен предсказуемо: он ругает, лишает премии, увольняет, ставит задачу на выходные. Заинтересованный Марк Громов был куда страшнее. Потому что непонятно, что он решит.

— Вы понимаете, что ваш поступок мог стать основанием для дисциплинарных мер? — спросил он.

— Да.

— Вы понимаете, что я могу лишить вас премии?

Варя почувствовала, как внутри жалобно пискнула часть души, уже мысленно купившая новые сапоги.

— Да.

— Вы понимаете, что я могу перевести вас на менее заметные задачи?

— Да.

— И всё же вы пришли сами.

— А как иначе?

— Многие попытались бы сказать, что их взломали.

— Марк Романович, если бы меня взломали, злоумышленники отправили бы что-то серьезнее. Например, ваш календарь с пометками «улыбнуться сотрудникам» и «проверить, не слишком ли радостно в отделе продаж».

Он посмотрел на неё поверх ноутбука.

— У вас есть отдельная папка с шутками обо мне?

Варя замерла.

Это был опасный вопрос. Очень опасный. Такой вопрос не задают случайно. Такой вопрос означает, что судьба уже стоит с ручкой и ждёт, какую графу отметить.

— Нет, — сказала она.

Марк чуть прищурился.

Варя сдалась:

— Не отдельная.

Тишина.

Она быстро добавила:

— Это не папка. Это скорее... творческий хаос.

— На тему генерального директора?

— На тему корпоративной жизни.

— В которой я занимаю заметное место.

— Вы высокий руководитель.

— И удобная мишень?

— Я бы сказала — яркий символ.

— Символ чего?

Варя подумала.

— Того, что даже самый идеальный костюм не спасает человека от коллективного желания увидеть, как он смеётся.

Марк смотрел на неё слишком долго.

И вдруг Варя почувствовала нечто странное: ей больше не хотелось провалиться сквозь пол. Она всё ещё понимала, что ситуация опасная. Всё ещё не была уверена, уйдёт ли сегодня домой сотрудницей компании. Но страх отступил, уступая место азарту.

Потому что разговор получался настоящим.

Не тем, где один давит, а другая оправдывается. Не тем, где генеральный директор изображает грозу, а сотрудница — мелкий офисный дождик. Они спорили. И в этом споре было больше жизни, чем во многих совещаниях, которые Варя пережила за последний год.

Марк нажал кнопку на телефоне.

— Елена Викторовна, соедините меня с Аллой Сергеевной.

Варя внутренне похолодела.

Кадры.

Вот и всё.

Премия махнула ей рукой из прекрасного далёка. Сапоги исчезли в тумане. Будущее стало похоже на поиск вакансий с формулировкой «стрессоустойчивость», которую теперь Варя воспринимала лично.

— Алла Сергеевна, — сказал Марк, когда связь включилась. — Поднимитесь ко мне. Да, сейчас. И возьмите текущие внутренние регламенты по публичным коммуникациям.

Он отключился.

Варя медленно подняла руку.

— Можно уточнить?

— Нет.

— Но я всё равно уточню.

— Я заметил эту вашу особенность.

— Вы вызываете отдел кадров, чтобы оформить моё увольнение красиво и по всем правилам?

— Если бы я хотел вас уволить, Варвара Андреевна, вы бы уже получили уведомление.

Она моргнула.

— Значит, вы хотите сделать это некрасиво?

— Я хочу понять, насколько вы готовы отвечать за свои слова.

Варя насторожилась.

— Обычно после такой фразы люди оказываются в проектах, из которых не выходят прежними.

— Верно.

— Просто для понимания: прежней мне нравилось быть.

— Сомневаюсь.

— Это было почти обидно.

— Это было наблюдение.

Она хотела ответить, но дверь открылась, и в кабинет вошла Алла Сергеевна.

Руководитель отдела кадров была женщиной, которая умела одновременно выглядеть доброжелательно и так, будто у неё в папке лежит вся правда о твоих опозданиях. Сегодня на ней был бежевый костюм, тонкая цепочка и выражение лица человека, который уже видел мем, но собирался умереть профессионалом, не показав этого.

— Марк Романович, — сказала она. — Варвара Андреевна.

— Алла Сергеевна, присаживайтесь.

Алла Сергеевна села рядом с Варей и положила на колени папку.

— Речь о сегодняшней ситуации? — уточнила она.

— В том числе, — сказал Марк.

Варя покосилась на папку.

— Если там уже лежит мой приговор, можно я хотя бы выберу шрифт?

Алла Сергеевна кашлянула.

Марк даже не моргнул.

— Варвара Андреевна считает, что у компании проблема с внутренней атмосферой и публичным образом, — сказал он.

Алла Сергеевна повернулась к Варе. В её глазах промелькнуло что-то похожее на сочувствие.

— Вот как.

— Я сказала немного иначе, — заметила Варя.

— Суть сохранена, — ответил Марк.

— Суть сохранена так, будто её три раза пропустили через юридический отдел.

— Продолжайте в том же духе, и я действительно начну фиксировать.

Алла Сергеевна опустила глаза в папку, но Варя успела заметить: уголки губ у неё дрогнули. Значит, не всё потеряно. Если даже кадровая служба на её стороне хотя бы одним уголком губ, у мира ещё есть шанс.

— Я хочу запустить внутренний проект, — сказал Марк. — Рабочее название: «Человеческое лицо компании».

Варя посмотрела на него.

— Простите?

— Вы говорили о живом образе. О доверии. О том, что люди должны видеть за проектами не только расчёты. Значит, вы сможете предложить практическое решение.

— Я?

— Вы.

— Марк Романович, я думала, вы меня вызвали, чтобы наказать.

— Я так и сделал.

Варя медленно выпрямилась.

— Вы назначаете меня на проект?

— Да.

— Это наказание?

— В вашем случае — наиболее полезное.

— Для кого?

— Для компании. И, возможно, для вас.

Алла Сергеевна аккуратно открыла папку.

— Формально мы можем оформить это как временное проектное назначение с расширением зоны ответственности.

— Не торопитесь, — сказала Варя. — Я ещё не согласилась.

Марк посмотрел на неё так, будто в его картине мира сотрудники не отказывались от задач генерального директора. Максимум — бледнели и спрашивали срок.

— У вас есть возражения?

— Несколько. Первое: я не уверена, что вы понимаете слово «человеческое» в том же смысле, что и остальные люди.

Алла Сергеевна очень внимательно посмотрела в документы.

— Второе? — спросил Марк.

— Второе: если вы хотите сделать образ компании живым, придётся иногда разрешать людям быть живыми. Это включает смех, неидеальные фразы, нормальные эмоции и право не бояться, что за каждую неудачную шутку их вызовут на сороковой этаж.

— Неудачную?

— Моя была удачной. Просто адресат оказался широким.

— Третье?

Варя слегка наклонила голову.

— Третье: я не буду делать из вас милого плюшевого руководителя. Это будет неправда, а я работаю с коммуникациями, а не с фантастикой.

Марк впервые за весь разговор посмотрел на неё почти с одобрением.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Мне не нужен плюшевый образ.

— Отлично, потому что плюшевость у нас в кабинете уже занята мной.

Она сказала это легко. Почти автоматически. Как говорила десятки раз, опережая чужие замечания. Лучше самой пошутить о себе первой, чем ждать, пока кто-то сделает это хуже, грубее и с видом «да ладно, я же любя».

Но в этот раз реакция оказалась другой.

Марк не улыбнулся.

Он посмотрел на неё так внимательно, что Варе вдруг стало неловко не от шутки, а от того, как быстро она её бросила между ними, будто щит.

— Вы часто это делаете? — спросил он.

— Что?

— Нападаете на себя первой, чтобы другим не досталось места.

Варя почувствовала, как внутри что-то резко напряглось.

Алла Сергеевна тоже подняла глаза.

В кабинете стало слишком тихо. И это была уже не офисная тишина, не пауза перед выговором, не стратегическое молчание генерального директора. Это было что-то личное, неприятно точное, будто Марк вдруг нажал не на ту кнопку и открыл ящик, который Варя предпочитала держать закрытым.

Она улыбнулась.

— Удобный навык. Экономит время на совещаниях.

— Я не спрашивал, удобный ли он.

— А я не обязана отвечать на вопросы, не относящиеся к работе.

И вот теперь он почти улыбнулся. Не весело. Скорее с пониманием, что получил границу и оценил её прочность.

— Справедливо.

Варя перевела дыхание.

Алла Сергеевна мягко вмешалась:

— Если проект будет оформлен официально, нужно определить задачи, сроки и полномочия Варвары Андреевны.

— Срок — месяц, — сказал Марк. — Задача — подготовить новую внутреннюю и внешнюю коммуникационную концепцию. Начать с моего публичного образа.

Варя медленно повернула к нему голову.

— С вашего?

— Да.

— То есть я должна буду...

— Сопровождать меня на ряде встреч, анализировать выступления, готовить тексты, корректировать подачу и давать рекомендации.

— Рекомендации генеральному директору?

— Вы уже начали.

— Там была аварийная ситуация.

— Теперь будет плановая.

Варя открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

Редкий случай: слов у неё было много, но все толпились у выхода одновременно и не могли пройти цензуру.

— Марк Романович, — сказала она наконец, — вы понимаете, что если я буду давать вам честные рекомендации, вам может не понравиться?

— Понимаю.

— А если я буду давать нечестные, проект не сработает.

— Именно поэтому вы будете давать честные.

— Вы уверены, что хотите этого?

— Нет.

— Это был первый человеческий ответ за день.

Алла Сергеевна всё-таки улыбнулась.

Марк заметил. Конечно, заметил. Он, кажется, замечал всё: лишнюю запятую в тексте, чужой страх, дрогнувший уголок губ. Вопрос был только в том, что он делал с замеченным.

— Условия, — сказал он. — Вы подчиняетесь мне напрямую по этому проекту. Все материалы согласуются со мной. Вы присутствуете на ключевых встречах. Внутренние наблюдения фиксируете письменно. Шутки в общий чат не отправляете.

— А в личный?

— Варвара Андреевна.

— Это был уточняющий вопрос.

— Никаких мемов обо мне в рабочее время.

— После рабочего?

Он посмотрел на неё.

Она выдержала взгляд.

Алла Сергеевна тихо перелистнула страницу, хотя там, кажется, нечего было листать.

— После рабочего времени, — сказал Марк медленно, — я не могу регулировать ваше чувство юмора.

— Запишем как победу демократии.

— Но если оно снова окажется в общем чате...

— Я поняла. Следующий мем сначала пройдет внутреннюю экспертизу здравого смысла.

— Желательно.

Варя вдруг осознала, что её не увольняют.

Более того, её не просто не увольняют. Её втягивают в проект, который может стать либо карьерным прорывом, либо самым длинным месяцем в её жизни. Она будет работать напрямую с Марком Громовым. С человеком, о котором сегодня смеялась вся компания. С человеком, который только что почти поймал её за самое уязвимое место. С человеком, который почему-то не раздавил её за дерзость, а поставил рядом — пусть и под видом наказания.

Это было плохо.

Очень плохо.

Потому что опаснее властного босса может быть только властный босс, который умеет слушать.

— Варвара Андреевна, — сказал Марк. — Вы согласны?

Варя посмотрела на Аллу Сергеевну. Та сохраняла нейтральное выражение лица, но в глазах у неё читалось: «Девочка, соглашайся, это лучше увольнения и интереснее всего, что происходило здесь за последние годы».

Потом Варя посмотрела на Марка.

Он ждал.

Не давил. Не торопил. Просто сидел за своим огромным столом, красивый, строгий, невозможный, и ждал её решения так, будто оно действительно имело значение.

Это раздражало сильнее всего.

— У меня есть условие, — сказала Варя.

— Слушаю.

— Если я должна очеловечить ваш образ, вы не будете запрещать мне говорить правду.

— В рамках деловой этики.

— Я не обещаю, что правда всегда будет ходить в костюме.

— Я переживу.

— Не уверена.

— Проверим.

И опять это едва заметное движение у губ. Не улыбка. Но уже наглая попытка приблизиться к ней без официального разрешения.

Варя протянула руку через стол.

— Тогда договорились, Марк Романович.

Он посмотрел на её ладонь.

Секунду ничего не происходило. Потом он пожал её руку.

Его ладонь оказалась тёплой, сильной, сухой. Пожатие — уверенным, но не давящим. Варя почему-то ожидала холода. И совершенно не была готова к теплу.

— Договорились, Варвара Андреевна.

Она быстро убрала руку.

Слишком быстро.

Марк заметил и это. Конечно.

Алла Сергеевна поднялась.

— Я подготовлю приказ о проектном назначении.

— Подготовьте, — сказал Марк. — И включите пункт о прямом взаимодействии Варвары Андреевны со мной.

— С вами напрямую? — уточнила Алла Сергеевна.

— Да.

Варя почувствовала, что этот день всё-таки решил добить её не увольнением, а перспективами.

— Простите, — сказала она. — А насколько напрямую?

Марк сложил руки на столе.

— Достаточно, чтобы вы могли выполнять задачу.

— То есть часто.

— Да.

— Очень часто?

— Вероятно.

— Ежедневно?

— Начинаете понимать масштаб ответственности.

Варя кивнула.

— Отлично. Просто хотела уточнить, сколько кофе мне теперь понадобится утром.

Марк бросил на неё короткий взгляд.

— Приходите завтра к девяти. Начнём с календаря моих публичных встреч.

— К девяти? Но рабочий день начинается в десять.

— У меня — в восемь.

— Поздравляю вас с этим смелым личным выбором.

Алла Сергеевна тихо кашлянула, скрывая улыбку.

Марк поднялся.

Разговор был окончен. Варя тоже встала, чувствуя, что ноги у неё слегка ватные, но спина по-прежнему прямая. Она дошла до двери, уже почти взялась за ручку, когда Марк произнёс:

— Варвара Андреевна.

Она обернулась.

— Да?

Он взял планшет с мемом, посмотрел на экран и снова перевёл взгляд на неё.

— Премии я вас всё-таки лишу.

Варя закрыла глаза на секунду.

Сапоги окончательно помахали ей из прекрасного далёка.

— Справедливо, — сказала она.

— Но не всей.

Она открыла глаза.

— Простите?

— Половины. Вторую половину считайте авансом за проект.

Варя изучала его лицо, пытаясь понять, шутит он или нет. С Марком Грозовым это было сложнее, чем с налоговыми изменениями.

— Это сейчас была попытка мотивации?

— Это было управленческое решение.

— А звучало почти по-человечески.

— Не увлекайтесь.

— Поздно. Я уже мысленно внесла вас в презентацию как перспективный материал.

— Завтра к девяти, Варвара Андреевна.

— Завтра к девяти, Марк Романович.

Она вышла из кабинета и только в приёмной позволила себе тихо выдохнуть.

Елена Викторовна подняла глаза.

— Всё в порядке?

Варя посмотрела на неё.

— Меня не уволили.

— Поздравляю.

— Рано. Меня назначили очеловечивать Марка Романовича.

Секретарь впервые за всё время чуть заметно изменилась в лице. Не сильно. Но достаточно, чтобы Варя поняла: новость впечатлила даже женщину, которая видела график генерального директора без слёз.

— Тогда, — сказала Елена Викторовна после короткой паузы, — желаю вам выдержки. Варя кивнула.

— Спасибо. Она мне понадобится больше премии.

Когда она спустилась на тридцать седьмой этаж, опенспейс снова замер.

На этот раз Варя шла уже не как человек, направляющийся на казнь, а как человек, вернувшийся оттуда с неожиданным повышением уровня сложности.

Лиза вскочила первой.

— Ну?

Варя дошла до своего стола, сняла с плеча сумку и села.

Все вокруг делали вид, что заняты, но воздух был набит чужим любопытством так плотно, что им можно было подпирать двери.

Варя открыла корпоративный чат.

Мем всё ещё висел там.

Под ним было уже сорок семь реакций.

Она медленно повернулась к Лизе.

— Меня лишили половины премии.

— Ох, Варь...

— И назначили на проект.

— Какой?

Варя посмотрела в сторону стеклянных стен, за которыми отражался весь их офис — живой, шумный, перепуганный, смешливый и вдруг очень заинтересованный.

Потом сказала достаточно громко, чтобы услышали не только Лиза, но и все те, кто отчаянно притворялся мебелью:

— Я теперь отвечаю за человеческий образ Марка Громова.

Тишина стала такой полной, что где-то на другом конце этажа щёлкнула крышка ручки, и это прозвучало как салют.

Артём из продаж первым поднял голову.

— То есть ты должна заставить его улыбаться?

Варя посмотрела на экран, где строгий Марк Громов всё ещё сиял в своём мемном величии.

— Нет, — сказала она. — Гораздо хуже.

Лиза нахмурилась.

— Что хуже?

Варя медленно улыбнулась.

— Я должна сделать так, чтобы ему поверили, когда он это сделает.

И в ту же секунду телефон на её столе завибрировал.

Новое сообщение.

От Марка Громова.

Завтра в 9:00. Кабинет 4001.

Принесите все материалы по проекту.

И, Варвара Андреевна...

Следующее сообщение пришло через несколько секунд.

Без мемов.

Варя смотрела на экран, чувствуя, как внутри снова поднимается тот самый опасный, неудобный, совершенно неуместный смех.

Она напечатала ответ:

Конечно, Марк Романович. Только серьёзность. Только регламент. Только тяжёлая корпоративная человечность.

Палец завис над кнопкой отправки.

Лиза перегнулась через стол.

— Варь, только не в общий чат.

Варя посмотрела на верхнюю строку.

Личный чат.

Слава офисным богам.

Она нажала «отправить».

Ответ пришёл почти сразу.

Плюшкина.

Одно слово.

Но Варя почему-то была уверена: если бы у этого слова были уголки губ, один из них точно дрогнул бы.

Глава 2. Босс, которому прописали улыбку

К девяти утра Варя Плюшкина пришла на сороковой этаж с папкой, ноутбуком, двумя распечатками, тремя версиями концепции и выражением лица женщины, которая решила не сдаваться, даже если её заставят очеловечивать гранит.

Лифт открылся в восемь пятьдесят две.

Это было важно.

Варя никогда не опаздывала на важные встречи. Она могла спорить с начальством, случайно отправлять мемы в общий чат, превращать рекламный буклет в человеческий текст и говорить правду людям, которые привыкли получать от подчинённых только согласие. Но опаздывать она не любила. Опоздание казалось ей слишком лёгким поводом списать всё остальное: талант, смелость, работу, мысли, характер. Особенно когда ты пышная женщина с яркой помадой, живым лицом и фамилией, которую некоторые особенно одарённые коллеги считали приглашением к плоским шуткам.

Нет уж.

Если уж разрушать карьеру, то пунктуально.

В приёмной Марка Громова было так тихо, будто день ещё не начался, а офис уже попросил разрешения существовать. Елена Викторовна сидела за своим столом с идеальной осанкой и просматривала календарь генерального директора. На столе не было ничего лишнего: монитор, тонкая папка, ручка, ежедневник и стакан воды, который даже стоял как-то дисциплинированно.

Варя остановилась у стойки.

— Доброе утро, Елена Викторовна.

Секретарь подняла глаза.

— Доброе утро, Варвара Андреевна. Вы рано.

— Я решила произвести впечатление человека, который осознал масштаб бедствия.

— Производите.

— Убедительно?

— Пока да.

Варя чуть улыбнулась и поставила папку на край стойки.

— Марк Романович уже здесь?

Елена Викторовна посмотрела на неё так, словно вопрос был милым, но наивным.

— Марк Романович приехал в семь сорок.

— Конечно. Простите, я забыла, что некоторые люди начинают день до рассвета, чтобы солнце не чувствовало себя главным.

У Елены Викторовны едва дрогнули ресницы.

Варя уже начинала понимать, что в приёмной генерального директора это считалось почти бурными аплодисментами.

— Он просил проводить вас сразу, как придёте, — сказала секретарь.

— Даже если я приду до девяти?

— Особенно если до девяти.

— Чудесно. Мой страх получил персональное расписание.

Елена Викторовна поднялась и направилась к двери кабинета. Варя машинально поправила пояс на платье. Сегодня она выбрала тёмно-синее, строгое, с мягкой линией талии и рукавами до локтя. Не потому, что хотела выглядеть незаметнее. Незаметнее Варя всё равно не умела. Просто ей хотелось, чтобы одежда говорила: да, я та самая женщина из мема, но у меня есть рабочий план, и он не нарисован на салфетке.

— Варвара Андреевна пришла, — произнесла Елена Викторовна, приоткрыв дверь.

— Пусть войдёт, — ответил Марк.

Варя взяла папку и вошла.

Кабинет был таким же безупречным, как вчера, но утром выглядел ещё строже. За панорамными окнами город просыпался неохотно: стеклянные фасады ловили бледный свет, машины вытягивались в ровные линии, где-то внизу люди жили обычной жизнью и наверняка не знали, что на сороковом этаже сегодня начнётся проект, способный поставить под сомнение саму природу корпоративной сдержанности.

Марк Громов стоял у стола и просматривал документы.

Сегодня он был в тёмно-сером костюме, белой рубашке и с тем выражением лица, которое Варя мысленно назвала «я уже решил пять проблем, пока вы завтракали». Он выглядел свежо, собранно и опасно. Как человек, у которого даже утро не посмело быть неорганизованным.

Он поднял глаза.

— Варвара Андреевна.

— Марк Романович.

— Вы пришли раньше.

— Хотела успеть до того, как вы внесёте пунктуальность в список моих недостатков.

— Пунктуальность туда не входит.

— А список уже существует?

— После вчерашнего дня — в рабочей версии.

Варя поставила папку на стол напротив него.

— Надеюсь, шрифт не меньше двенадцатого. Я хочу читать свои недостатки с уважением к зрению.

Марк задержал на ней взгляд ровно на секунду дольше, чем требовалось для делового общения.

— Садитесь.

Варя села в кресло. Сегодня оно казалось не таким враждебно удобным, как вчера, но всё ещё слишком роскошным для места, где её могли заставить анализировать мимику генерального директора.

Марк сел напротив, положил перед собой тонкую папку и развернул её к Варе.

— Условия работы над проектом.

Варя наклонилась и прочитала верхнюю строку.

Проект «Человеческое лицо компании».

Временное взаимодействие. Правила и зоны ответственности.

— Вы успели сделать документ? — спросила она.

— Да.

— До девяти утра?

— Вчера вечером.

— После того как лишили меня половины премии?

— До.

— То есть пока я внизу прощалась с финансовым будущим, вы уже оформляли моё наказание в красивую таблицу.

— Я предпочитаю готовиться заранее.

— Даже к чужим катастрофам?

— Особенно к ним.

Варя раскрыла папку.

Первый лист был аккуратным, строгим и настолько марковским, что его можно было не подписывать. Пункты шли ровными рядами, без лишних отступов, без эмоциональных формулировок, без единого слова, которое могло бы случайно подмигнуть.

Она начала читать вслух:

— «Пункт первый. Варвара Андреевна Плюшкина сопровождает Марка Романовича Громова на заранее определённых публичных и деловых мероприятиях в рамках коммуникационной задачи». Звучит так, будто меня назначили сопровождать особо важный сейф.

— Продолжайте.

— «Пункт второй. Варвара Андреевна не перебивает Марка Романовича на встречах с партнёрами».

— Принципиально.

— А если вы говорите что-то, что превращает людей в мебель?

— Тогда вы фиксируете замечание письменно.

— Пока они становятся мебелью?

— После встречи.

Варя вздохнула и прочитала следующий пункт.

— «Пункт третий. Варвара Андреевна не спорит с Марком Романовичем при партнёрах». Понимаю. Спорить с вами можно только в специально отведённых местах.

— Да.

— У вас есть карта таких мест?

— Мой кабинет.

— Сурово. Я думала, хотя бы лифт.

— Лифт исключён после вчерашнего.

Она подняла глаза.

В нём снова было это едва заметное сухое веселье, которое Марк, похоже, признавать не собирался даже под угрозой полного очеловечивания.

— Ладно, — сказала Варя. — Что дальше?

— Читайте.

Она вернулась к листу.

— «Пункт четвёртый. Варвара Андреевна не использует в рабочих обсуждениях выражения, подрывающие управленческий авторитет Марка Романовича».

— Именно.

— То есть «ходячий регламент» нельзя?

— Нельзя.

— «Человек-файл»?

— Нельзя.

— «Гранит с календарём»?

— Тем более.

— Жаль. У меня была сильная подборка.

— Уничтожьте.

— Я гуманитарий. Мы ничего не уничтожаем, мы переносим в архив.

Марк протянул руку.

— Папку.

— Какую папку?

— С подборкой.

Варя невинно посмотрела на него.

— Марк Романович, я же сказала «архив». Архив — это концепция. Его нельзя просто так взять и потрогать.

— Плюшкина.

У неё снова ёкнуло что-то внутри.

Совершенно непрофессионально.

Нельзя было позволять одному слову, произнесённому низким голосом властного мужчины, так влиять на состояние рассудка. Особенно если это слово — твоя фамилия, а мужчина вчера лишил тебя половины премии. Но организм, похоже, решил, что жизнь без осложнений недостаточно интересна.

Варя опустила глаза к документу, чтобы Марк не заметил лишнего выражения на её лице.

Хотя он всё равно наверняка заметил.

— Здесь только ваши правила, — сказала она. — Это нечестно.

— Это мой проект.

— Это наш проект.

Он молча посмотрел на неё.

— Вы сами сказали, что я отвечаю за живой образ, — продолжила Варя. — А живые образы, знаете ли, не выращивают под стеклянным колпаком из пунктов и запретов.

— Что вы предлагаете?

— Добавить мои правила.

— Слушаю.

Варя достала из своей папки лист, который подготовила вчера ночью. Ну как ночью. Формально это был вечер. Практически — время, когда нормальные люди уже перестают проверять рабочую почту и начинают вспоминать, что у них есть личная жизнь. Варя личную жизнь вспомнила, посмотрела на неё, поняла, что там пусто, и открыла ноутбук.

Она положила лист перед Марком.

— «Рекомендации для Марка Романовича Громова в рамках проекта “Человеческое лицо компании”».

Он взял лист.

— Вы тоже подготовились.

— Я предпочитаю входить в катастрофу с документами.

Марк начал читать.

Его лицо оставалось неподвижным, но Варя с удовольствием отметила, что на третьем пункте он задержался.

— «Пункт первый: не смотреть на людей так, будто они уже провалили задачу, но ещё не знают какую», — прочитал он.

— Очень важный пункт.

— «Пункт второй: не начинать каждое выступление с фразы “нам необходимо повысить эффективность”».

— Она звучит как приговор отделу маркетинга.

— «Пункт третий: хотя бы один раз в день быть похожим на живого человека».

Он поднял глаза.

— Это формулировка?

— Рабочая. Можем смягчить: «демонстрировать признаки эмоционального присутствия».

— Это ещё хуже.

— Согласна. Оставим первый вариант.

Марк положил лист на стол.

— Варвара Андреевна, я не нанимал вас для того, чтобы вы учили меня улыбаться.

— Вы меня вообще не нанимали на это. Вы меня наказали.

— Тем более.

— Но задача называется «Человеческое лицо компании». Лицо у компании сейчас ваше. А лицо, Марк Романович, не должно выглядеть так, будто оно только что отклонило заявку на радость.

Он долго смотрел на неё.

— Вы всегда формулируете так, чтобы человек не сразу понял, его оскорбили или вдохновили?

— Это мой профессиональный стиль.

— Рискованный.

— Зато запоминается.

Варя внутренне приготовилась к спору. Марк мог зачеркнуть её лист, вернуть свой, произнести что-нибудь про субординацию и запустить день в привычном режиме: он командует, она огрызается в рамках деловой этики, проект медленно превращается в красивую таблицу без шанса на жизнь.

Но он взял ручку.

И под своим документом, в самом конце списка, аккуратно дописал:

Пункт 8. Марк Романович Громов обязуется не менее одного раза в день демонстрировать признаки живого человека. Формулировка подлежит уточнению.

Варя уставилась на строчку.

— Вы это серьёзно?

— Нет.

— Но записали.

— Да.

— Почему?

— Чтобы у вас не было повода тратить следующие десять минут на доказательство очевидного.

— То есть вы признаёте, что пункт очевидный?

— Я признаю, что вы умеете тратить десять минут убедительно.

Варя улыбнулась.

— Осторожно, Марк Романович. Это почти комплимент.

— Не фиксируйте как достижение.

— Поздно. Я уже поставила мысленную галочку.

Он закрыл папку.

— В десять тридцать у нас встреча с представителями «Вектор Капитал». Они рассматривают участие в проекте «Северное сияние». Контракт важный. Переговоры идут тяжело. С вашей стороны требуется наблюдение.

— Только наблюдение?

— В первую очередь.

— Это звучит как «молчите и записывайте».

— Примерно.

— Тогда сразу предупреждаю: если начнётся гибель смысла, я вмешаюсь.

— Не вмешаетесь.

— Если у людей начнут стекленеть глаза?

— Не вмешаетесь.

— Если вы скажете «синергия активов»?

— Варвара Андреевна.

— Я просто проверяю границы бедствия.

Марк поднялся.

— До встречи осталось чуть больше часа. У вас есть время ознакомиться с материалами.

— А у вас есть время потренироваться.

Он остановился.

— В чём?

— В человеческом лице.

— Нет.

— Марк Романович, нельзя выйти к партнёрам с выражением человека, который заранее недоволен их существованием.

— Я не недоволен их существованием.

— Ваше лицо с вами не согласно.

Он посмотрел на неё так, как обычно смотрят на людей, которые только что перешли тонкую грань между смелостью и отсутствием инстинкта самосохранения.

Варя достала из сумки маленькое зеркальце и положила на стол.

— Прошу. Базовая диагностика.

— Вы принесли зеркало?

— Я же не знала, что у вас в кабинете нет ничего человеческого.

— У меня есть зеркало в уборной.

— Там вы, вероятно, смотрите на себя как на ресурс компании. Нам нужно иначе.

Он не взял зеркало.

Конечно, не взял.

Марк Громов, генеральный директор крупной девелоперской компании, человек, у которого в календаре наверняка были встречи с банками, инвесторами, городскими чиновниками и подрядчиками, не собирался стоять перед сотрудницей из коммуникаций и тренировать выражение лица.

Варя это понимала.

И поэтому поступила нечестно.

Она развернула зеркало к нему сама.

Марк посмотрел на своё отражение так, будто оно тоже должно было соблюдать субординацию.

— Что не так? — спросил он.

— Слишком много контроля.

— Контроль — часть моей работы.

— На переговорах — да. На лице — не всегда. Люди считывают не только слова. Вы можете говорить: «Мы рады сотрудничеству», но если в этот момент выглядите так, будто сотрудничество пришло без предварительной записи, вам не поверят.

— Я не обязан нравиться партнёрам.

— Нравиться — нет. Вызывать доверие — да.

Он молчал.

Варя смягчила голос. Не сильно, но достаточно, чтобы это перестало звучать как очередной выпад.

— Не надо становиться другим человеком. Это сразу выглядит фальшиво. Вам не нужно играть в добродушного руководителя, который сейчас всем раздаст воздушные шарик и мудрые советы. Вам нужно просто иногда показывать, что за цифрами у вас есть не только контроль, но и уверенность в людях.

— В каких людях?

— В тех, кто сидит рядом. В тех, кто работает на проект. В тех, кому вы предлагаете вложиться. И, возможно, — она выдержала паузу, — в той, кто вчера чуть не похоронила вашу легенду о неприступности.

— Чуть?

— Не будем скромничать. Повредила фасад.

Марк посмотрел на неё через отражение.

В зеркале его лицо казалось менее официальным. Может, из-за близкого расстояния. Может, из-за того, что он впервые не стоял у окна, не сидел за столом, не занимал место власти, а просто был рядом — слишком высокий, слишком собранный, слишком внимательный.

Варя вдруг поймала себя на том, что замечает не только строгость его взгляда, но и усталость в уголках глаз. Очень лёгкую. Почти скрытую. Таковую, какую не видят сотрудники внизу, потому что им хватает общего впечатления: Громов вошёл — все выпрямились.

А он, возможно, просто давно не позволял себе быть неидеальным.

Эта мысль оказалась неуместно мягкой.

Варя немедленно закрыла её сарказмом.

— Попробуйте сказать: «Доброе утро, рад встрече».

— Доброе утро, рад встрече, — произнёс Марк.

— Нет.

— Что нет?

— Вы сказали это так, будто предупреждаете о внеплановой проверке.

— Я сказал обычную фразу.

— Именно. Проблема в том, что обычная фраза прозвучала как начало совещания, после которого никто не уйдёт прежним.

Он положил руки на край стола и чуть наклонился к ней.

— Варвара Андреевна, вы отдаёте себе отчёт, что учите меня говорить?

— Да.

— В моём кабинете?

— Географически — да.

— За час до важных переговоров?

— С точки зрения времени — тоже да.

— И не видите в этом ничего чрезмерного?

— Вижу. Но вы сами меня назначили.

Пауза.

Марк выпрямился.

— Доброе утро, — сказал он снова. — Рад встрече.

На этот раз голос был чуть мягче. Не тёплый, нет. До тёплого было ещё несколько внутренних совещаний, две подписи и отмена режима «всем стоять ровно». Но фраза уже не резала воздух. Она звучала сдержанно, спокойно и почти нормально.

Варя кивнула.

— Лучше.

— Почти «живой человек»?

— Не торопитесь. Пока «влиятельный человек, который допускает наличие эмоций в соседней комнате».

— Прогресс?

— Безусловно.

В дверь постучали.

Елена Викторовна вошла с планшетом.

— Марк Романович, Степан Игоревич уже на этаже. Представители «Вектор Капитал» будут через двадцать минут.

— Спасибо.

При имени Степана Громов стал чуть холоднее. Это было почти незаметно, но Варя уже начала коллекционировать микрореакции генерального директора как редкие марки.

— Степан Игоревич будет на встрече? — спросила она.

— Да. Он курирует инвестиционный блок.

— Мне нужно что-то о нём знать?

Марк помедлил.

— Он хорошо говорит.

— Это плюс.

— И не всегда хорошо слушает.

— Это уже знакомо.

— Вы на что намекаете?

— На универсальность проблемы, Марк Романович.

Он не ответил, но взгляд стал предупреждающим.

Через двадцать минут Варя поняла, что Степан Игоревич Рогов был из тех людей, которые входят в помещение не потому, что им туда надо, а потому что помещение должно оценить их появление.

Он появился в переговорной ровно за пять минут до партнёров, высокий, широкоплечий, улыбчивый, в дорогом светлом костюме. У него была уверенная походка человека, который привык располагать к себе с первых секунд, и улыбка настолько отточенная, что Варя сразу ей не поверила. Такие улыбки не рождаются сами. Их тренируют перед зеркалом, а потом выпускают в общество с конкретной задачей.

— Марк, — сказал он легко. — Готовим «Вектор» к капитуляции?

— К конструктивному обсуждению, — ответил Громов.

— Разумеется. У нас же не война, у нас девелопмент. Хотя иногда разница только в количестве согласований.

Степан перевёл взгляд на Варю.

Варя сразу почувствовала момент оценки. Быстрый, скользящий, от лица к фигуре, от фигуры к папке в руках, от папки обратно к лицу. Она знала такие взгляды. Они умели улыбаться и одновременно взвешивать, куда тебя мысленно поставить: в декор, в риск, в забавное недоразумение или в удобного исполнителя.

— А это, надо полагать, наша знаменитость? — сказал Степан. — Варвара Плюшкина. Автор самого обсуждаемого произведения внутренней корпоративной культуры.

— Варвара Андреевна участвует в проекте по коммуникациям, — сухо сказал Марк.

— После вчерашнего мем уже можно считать коммуникацией.

— Можно, — ответила Варя. — Просто не всякая коммуникация проходит путь от идеи до скандала за восемь секунд. Я работаю быстро.

Степан рассмеялся.

Смеялся он хорошо. Легко. Громко ровно настолько, чтобы все поняли: человек расположен, атмосфера прекрасная, он свой. Но глаза при этом оставались внимательными и прохладными.

— С чувством юмора, — сказал он. — Это приятно. У нас тут иногда не хватает лёгкости.

— Зато с тяжестью всё стабильно, — ответила Варя.

Марк бросил на неё короткий взгляд.

Тот самый взгляд из пункта «не использовать выражения, подрывающие управленческий авторитет». Варя сделала вид, что не поняла. Иногда непонимание было не слабостью, а дипломатией.

В переговорной на сороковом этаже всё было готово к встрече: длинный стол, вода в стеклянных бутылках, аккуратные блокноты, экран с заставкой проекта «Северное сияние». Варя уже знала этот проект вдоль и поперёк. Жилой комплекс у набережной, несколько корпусов, внутренний двор без машин, детские площадки, прогулочные маршруты, коммерческие помещения на первых этажах. В презентациях всё это звучало солидно. В жизни могло бы звучать тепло. Если бы компании хватило смелости говорить не только о метрах, но и о людях.

Представители «Вектор Капитал» вошли ровно в десять тридцать.

Их было трое.

Сергей Павлович Крайнов, старший партнёр, мужчина лет пятидесяти с мягкой манерой и цепким взглядом. Рядом с ним — Инга Белова, инвестиционный аналитик, собранная, спокойная, с планшетом и лицом человека, который верит только цифрам, но иногда готов выслушать красивую историю, если она не мешает расчётам. Третьим был Владислав Ордынцев, директор по развитию, высокий, суховатый, с осторожной улыбкой и заметным скепсисом.

Марк сделал шаг навстречу.

— Доброе утро. Рад встрече.

Варя, стоявшая чуть позади и сбоку, едва не просияла как гордая наставница на выпускном.

Не идеально.

Но хорошо.

Он сказал это спокойно, без ледяного нажима. Не улыбнулся, но и не выглядел так, будто радость встречи была вынесена на тендер. Сергей Павлович пожал ему руку. Инга вежливо кивнула. Владислав оценил Марка с той осторожной деловой настороженностью, с какой люди смотрят на сильных партнёров, когда ещё не решили, союз это или поле боя.

— Марк Романович, — сказал Крайнов. — Спасибо, что нашли время.

— Это важный проект, — ответил Марк. — Рад обсудить его предметно.

Варя мысленно поставила ещё одну галочку. «Рад» прозвучало уже второй раз за день, и офисная вселенная пока не обрушилась.

Все расселись.

Марк начал презентацию.

Первые пять минут всё шло так, как он любил: чётко, выверенно, без лишнего воздуха. Он говорил о стадиях строительства, финансовой модели, юридической чистоте площадки, прогнозе спроса, динамике района и конкурентной среде. Слова ложились ровно, как плитка в дорогом холле. Каждый слайд был точен. Каждая цифра — на месте. Каждая пауза — рассчитана.

И всё же Варя видела: люди напротив слушают не так, как должны.

Сергей Павлович кивал, но взгляд его скользил к экрану без интереса. Инга делала заметки, но не задавала вопросов. Владислав сидел, откинувшись на спинку кресла, и смотрел на проект так, будто перед ним не будущий жилой комплекс, а ещё один аккуратный объект в папке с названием «можно, но не хочется».

Марк этого тоже не мог не видеть.

Но продолжал.

— При текущей структуре финансирования, — говорил он, — мы выходим на устойчивые показатели доходности при сохранении консервативного сценария продаж. Основной акцент сделан на...

Варя почувствовала, как воздух в переговорной начинает густеть.

Не от скуки даже. От безличности.

Проект был хороший. У него действительно была сильная локация, внятная экономика, перспективы. Но сейчас он звучал как таблица, переодетая в жилой комплекс. А люди не вкладываются сердцем в таблицы. Разумом — да. С осторожностью — да. Но решение, особенно крупное, редко бывает только сухим расчётом. Даже самые деловые люди хотят почувствовать, что перед ними не просто схема, а будущая история успеха, которую им не стыдно поддержать.

Степан сидел напротив Вари и улыбался.

Не партнёрам.

Ей.

Будто ждал, когда она нарушит один из пунктов Марка. Будто заранее знал: Плюшкина не выдержит.

Варя сжала ручку.

Не вмешиваться.

Не перебивать.

Не спорить при партнёрах.

Не называть генерального директора ходячим регламентом.

Последний пункт особенно мешал думать.

— ...и таким образом, — продолжал Марк, — мы получаем продукт, который закрывает потребность целевой аудитории в качественном жилье бизнес-класса с высоким уровнем инфраструктурной обеспеченности.

Владислав Ордынцев чуть заметно прикрыл глаза.

Варя внутренне застонала.

Гибель смысла.

Она взглянула на Марка. Тот стоял у экрана, спокойный, уверенный, безукоризненный. Но его пальцы чуть сильнее сжали кликер. Он видел. Конечно, видел. Просто считал, что надо давить точностью до победного конца.

Сергей Павлович поднял руку.

— Марк Романович, с цифрами всё понятно. Они у вас сильные. Вопрос в другом.

Марк остановился.

— Слушаю.

— Мы смотрим на «Северное сияние» уже второй месяц. Экономика привлекательна, площадка интересная. Но у меня есть ощущение, что проекту не хватает... лица, что ли.

Варя медленно подняла глаза.

Степан перестал улыбаться.

Марк повернул голову к Сергею Павловичу.

— Что именно вы имеете в виду?

Крайнов постучал пальцами по блокноту.

— Вы показываете нам объект как идеальную конструкцию. Но рынок сейчас устал от одинаковых обещаний. Все говорят о комфорте, безопасности, инфраструктуре. У всех рендеры с улыбающимися людьми и деревьями. Почему покупатель должен поверить именно вам? Не банку, не застройщику в соседнем квартале, не красивым картинкам, а вам?

В переговорной стало тише.

Это был не агрессивный вопрос. Даже не провокационный. Он был честный. И потому опасный.

Марк положил кликер на стол.

— Потому что мы отвечаем за сроки, качество и юридическую прозрачность. Репутация «Громов Девелопмент» построена на выполненных обязательствах.

— Это важно, — согласился Крайнов. — Но этого мало для эмоционального выбора.

Марк чуть выпрямился.

— Мы говорим об инвестиционном решении.

— Да. А инвестиционное решение тоже принимают люди, Марк Романович.

Варя почувствовала, как внутри у неё что-то звонко щёлкнуло.

Вот оно.

То самое место, где проект мог либо остаться в ледяной зоне «качественный продукт с инфраструктурной обеспеченностью», либо стать тем, что партнёры захотят защищать на своём совете.

Марк молчал.

Слишком долго.

Степан наклонился вперёд, явно собираясь перехватить инициативу.

— Сергей Павлович, мы прекрасно понимаем эмоциональную составляющую, — начал он гладко. — Именно поэтому маркетинговый блок готовит комплексную кампанию, включающую визуальные материалы, наружное присутствие, цифровые каналы...

Варя увидела, как Инга Белова перестала писать.

Плохо.

Очень плохо.

Ещё минута — и встреча окончательно уйдёт в безопасную болтовню, где все вежливо кивают и никто ничего не решает.

Варя подняла руку.

Марк повернул к ней голову.

Взгляд был мгновенным.

Предупреждающим.

Прямо как пункт второй, третий и четвёртый вместе взятые.

Но Сергей Павлович уже заметил её движение.

— Да? — спросил он. — Вы хотели добавить?

Степан улыбнулся шире.

Марк смотрел на Варю так, что любой разумный человек опустил бы руку и вернулся к заметкам.

Варя не была уверена, что сегодня проходит по категории разумных.

— Если позволите, — сказала она.

— Варвара Андреевна у нас отвечает за коммуникационную часть проекта, — произнёс Марк.

Голос был ровный.

Но Варя уловила паузу между «позволю» и «потом обсудим».

— Я добавлю коротко, — сказала она.

— Желательно, — тихо заметил Марк.

Варя встала.

Ей не нужно было подходить к экрану. Не нужно было включать новый слайд. Иногда лучший способ вернуть внимание — убрать всё, за что люди привычно цепляются глазами.

— Мне кажется, проблема не в том, что у проекта нет лица, — сказала она. — Лицо есть. Просто мы пока показываем его так, будто оно пришло на собеседование в банк и очень боится сказать что-нибудь живое.

Сергей Павлович медленно улыбнулся.

Владислав чуть подался вперёд.

Инга подняла глаза от планшета.

Варя продолжила спокойнее:

— «Северное сияние» не нужно продавать как очередной жилой комплекс бизнес-класса. Таких обещаний правда много. Вид из окна, двор, кофейня внизу, паркинг, безопасная среда — всё это люди уже слышали. Но у этого проекта есть другая сильная сторона. Он стоит на границе старого района и новой набережной. Там сейчас место, которое люди привыкли проезжать мимо. А мы предлагаем не просто построить дома, а изменить маршрут жизни района. Сделать точку, где люди начнут задерживаться.

Марк не перебивал.

Степан тоже.

Но его улыбка стала уже не такой приятной.

— Покупатель не выбирает квадратные метры, — сказала Варя. — Он выбирает картинку своего обычного утра. Где он выйдет из подъезда, куда пойдёт, кого встретит, захочет ли пригласить туда родителей, друзей, коллег. Захочет ли вернуться вечером не просто в квартиру, а

в место, которое не давит на него статусом. «Северное сияние» может стать таким проектом. Не самым громким. Не самым пафосным. А тем, которому верят.

Крайнов смотрел на неё внимательно.

— И как вы предлагаете это показать?

— Через людей, — ответила Варя. — Не через идеальных моделей в рендерах, которые улыбаются так, будто у них в договоре отдельная строка за счастье. Через реальные сценарии. Молодая пара, которая впервые живёт отдельно и спорит, где поставить книжный шкаф. Мужчина, который каждое воскресенье выходит с сыном на набережную. Женщина, которая открывает маленькую пекарню на первом этаже и знает половину жильцов по именам. Это не должно выглядеть как сказка. Это должно выглядеть узнаваемо.

Инга Белова впервые за встречу заговорила:

— Вы предлагаете сместить кампанию от статуса к доверию?

— Да. Статус у проекта уже есть. Его не надо доказывать слишком громко. А доверие надо строить через честные детали.

— Честные детали продают хуже яркого обещания, — заметил Владислав.

— Зато они меньше разочаровывают после покупки, — ответила Варя. — А разочарованный покупатель громче любой рекламы.

Крайнов усмехнулся.

— Смело.

— Я сегодня стараюсь в пределах должностной инструкции.

Марк бросил на неё взгляд.

На этот раз — не останавливающий.

Оценивающий.

Варя почувствовала это спиной, плечами, кожей. Он не просто слушал. Он сравнивал реакцию партнёров до её вмешательства и после. Видел, как Инга снова делает заметки. Как Владислав перестал смотреть в окно. Как Сергей Павлович уже не ждёт окончания презентации, а думает.

И Варя почему-то стало важно, чтобы Марк это увидел.

Не для того, чтобы признал её правоту вслух. Она была не настолько наивна. А просто чтобы понял: его проект про человеческое лицо начался не с красивой папки. Он начался вот сейчас, когда люди в переговорной перестали защищаться от скуки.

Крайнов повернулся к Марку.

— Интересная мысль. У вас эта концепция уже оформлена?

Марк посмотрел на Варю.

Одной секунды хватило, чтобы она поняла: сейчас он мог сказать правду — что концепция родилась на ходу, как пожарный выход из формальной презентации. Мог вернуть контроль и забрать всё в свою рамку. Мог аккуратно поставить её на место.

— В рабочем виде, — сказал он. — Варвара Андреевна готовит новую коммуникационную стратегию.

Варя едва не выдохнула вслух.

Он не отодвинул её.

Не присвоил идею.

Не сделал вид, что всё так и планировалось заранее его великим управленческим разумом.

Он дал ей пространство.

Странное дело: от этого стало теплее, чем от любого комплимента.

— Тогда мы хотели бы увидеть её подробнее, — сказала Инга. — Не общие слова, а структуру: аудитории, каналы, сообщения, примеры подачи.

— Подготовим, — ответил Марк.

— Когда? — спросил Владислав.

Марк посмотрел на календарь в планшете.

— К пятнице.

Варя медленно повернула к нему голову.

Пятница была послезавтра.

Он даже не посмотрел на неё.

Вот оно. Властный босс во всей естественной среде обитания: сначала дал пространство, потом поставил в него дедлайн.

— К пятнице будет первая версия, — сказала Варя, улыбнувшись так, чтобы Марк понял: этот разговор ещё состоится.

Он понял.

И, кажется, был к нему готов.

Переговоры продолжились уже иначе.

Марк вернулся к цифрам, но теперь говорил короче. В нужных местах давал Варе слово. Степан попытался несколько раз перехватить разговор, добавляя свои гладкие формулировки, но партнёры всё чаще обращались с вопросами именно к Варе. Сначала по коммуникациям. Потом по реакции покупателей. Потом по тому, как внутренний образ компании влияет на внешний. Она отвечала не идеально академично, зато ясно, живо и по делу.

Однажды Сергей Павлович даже сказал:

— Вот это я понимаю. Наконец-то кто-то говорит не как буклет.

Варя не посмотрела на Марка.

Очень хотелось.

Но она удержалась.

Под конец встречи Крайнов закрыл блокнот и сказал:

— Марк Романович, давайте так. Финансовая часть нас в целом устраивает. По юридическому блоку мы направим уточнения. Но я хочу отдельно посмотреть новую коммуникационную подачу. Если у вас получится сделать проект таким, каким его сейчас описала Варвара Андреевна, разговор станет гораздо интереснее.

— Получится, — сказал Марк.

Без паузы.

Без осторожного «постараемся».

Без взгляда на Варю, будто он сомневается.

Просто: получится.

Она почувствовала, как эти три слога легли где-то внутри неожиданно твёрдо.

После обмена рукопожатиями партнёры ушли. Елена Викторовна проводила их к лифту. Степан задержался у стола, неторопливо застёгивая пиджак.

— Неожиданно, — сказал он.

— Что именно? — спросил Марк.

— Новый формат. Обычно ты не позволяешь сотрудникам ломать структуру встречи на середине презентации.

— Варвара Андреевна не ломала структуру. Она вернула внимание.

Степан перевёл взгляд на Варю.

— Да, внимание она возвращать умеет. Особенно в общих чатах.

Варя улыбнулась.

— Если понадобится оживить инвестиционный комитет, я заранее согласую формат.

— Осторожнее, — сказал Степан мягко. — Иногда внимание бывает слишком дорогим.

— Тогда хорошо, что я уже привыкла к удержаниям из премии.

Марк взял папку со стола.

— Степан, пришли мне обновлённые расчёты по блоку финансирования до конца дня.

— Конечно.

Степан кивнул ему, затем Варя и вышел.

Дверь закрылась.

В переговорной остались только Варя и Марк.

И тишина после удачной, но опасной встречи.

Варя начала собирать свои бумаги.

— Прежде чем вы скажете, что я нарушила три пункта из восьми, хочу отметить: «ходячим регламентом» я вас не назвала.

— Четыре пункта.

— Простите?

— Вы нарушили четыре.

— Какой четвёртый?

— Вы спорили со мной взглядом.

Варя подняла голову.

— Это не прописано.

— Будет.

— Тогда я внесу встречный пункт: босс не имеет права назначать дедлайн на послезавтра с лицом человека, который только что подарил отпуск.

— Я не дарил отпуск.

— Вот именно.

Марк подошёл к столу и остановился напротив неё.

— Вы хорошо справились.

Она замерла.

Просто четыре слова.

Без улыбки. Без красивой обёртки. Без попытки смягчить или отшутиться. Но из уст Марка Громова это звучало как премия, которую нельзя было потратить, зато можно было некоторое время носить в груди, как маленькую тёплую победу.

Варя быстро спрятала реакцию за привычную иронию.

— Поставьте это письменно. Я покажу Лизе, и она поверит в чудеса корпоративной эволюции.

— Не увлекайтесь.

— Поздно. Я уже мысленно оформила рамку.

— Варвара Андреевна.

— Да?

Он смотрел на неё внимательно.

Без холодной дистанции, которая была вчера. Без жёсткой оценки, с которой началось утро. Сейчас в его взгляде было что-то другое. Не мягкость. Марк Громов, вероятно, не позволял мягкости появляться без предварительного уведомления. Но интерес стал глубже. Тише. Личнее.

— Почему они слушали вас лучше? — спросил он.

Варя не сразу ответила.

Вопрос мог прозвучать высокомерно. Мол, почему вас, сотрудницу, а не меня, генерального директора. Но в его голосе не было раздражения. Только честное желание понять механизм. Это обезоруживало сильнее, чем приказ.

— Потому что я говорила не сверху, — сказала она наконец. — И не из презентации. Я говорила так, будто сама хочу там жить.

— Хотите?

— В «Северном сиянии»? С моей оставшейся половиной премии я могу хотеть разве что коврик у входа.

Он чуть опустил взгляд.

— Это была шутка.

— Да.

— Неудачная.

— Нет, отличная. Просто с финансовой болью.

— Варвара Андреевна.

— Молчу.

— Не молчите.

Она удивлённо посмотрела на него.

Марк сам, кажется, понял, как это прозвучало. Слишком не по-деловому. Слишком близко к просьбе. Он сразу вернул голосу прежнюю ровность:

— По проекту. Не молчите по проекту.

— Конечно, — сказала Варя. — По проекту я буду говорить много. Возможно, вы пожалеете, что разрешили.

— Я уже допускаю такую вероятность.

— Прекрасно. Человеческий прогресс.

Он посмотрел на часы.

— Через десять минут у меня следующая встреча. В четырнадцать ноль-ноль жду вас с первыми тезисами по новой концепции.

— Сегодня?

— Да.

— Марк Романович, вы назначили полноценную стратегию к пятнице.

— Именно поэтому первые тезисы нужны сегодня.

Варя прижала папку к груди.

— Вы понимаете, что ваш стиль управления иногда вызывает у людей желание стать кактусом?

— Чтобы колоться?

— Чтобы стоять в углу и не участвовать.

Он почти улыбнулся.

Почти.

Но на этот раз Варя не стала комментировать. Только заметила. И почему-то оставила это себе.

— До четырнадцати, Варвара Андреевна.

— До четырнадцати, Марк Романович.

Она вышла из переговорной с ощущением, что утро длилось не два часа, а маленькую вечность. В приёмной Елена Викторовна что-то печатала. Варя прошла мимо, но секретарь вдруг сказала:

— Представители «Вектор Капитал» выглядели довольными.

— Надеюсь, это не нарушение внутренней политики компании.

— Пока нет.

— Отлично. Тогда зафиксируем как редкий успех.

Варя спустилась на тридцать седьмой этаж и сразу попала в поле зрения Лизы.

Подруга подняла голову от монитора.

— Ну?

— Я жива.

— Это уже перестало быть информативным. Подробности.

Варя рухнула на своё кресло, положила папку на стол и выдохнула.

— Он дал мне правила.

— Сколько?

— Много.

— Ты нарушила?

— Несколько.

— Он заметил?

— Все.

— И?

Варя медленно улыбнулась.

— И сказал, что я хорошо справилась.

Лиза застыла с кружкой в руке.

— Марк Громов?

— У нас есть другие «он» в контексте моей гибнущей карьеры?

— Подожди. Марк Громов похвалил тебя?

— Не делай такое лицо. Я сама еле пережила.

— Он точно похвалил? Не сказал что-то вроде «допустимый уровень исполнения»?

— Нет. Прямо: «Вы хорошо справились».

Лиза поставила кружку.

— Варь, это уже не проект. Это жанровый поворот.

— Не начинай.

— Он красивый, властный, ты смешная, он тебя сначала вызвал на ковёр, потом поставил рядом с собой, теперь хвалит после переговоров...

— Лиза.

— Что?

— Если ты сейчас скажешь «между вами искры», я брошу в тебя степлером.

— У тебя степлер лёгкий. Я рискну.

Варя закрыла лицо руками.

— Между нами дедлайны. Много дедлайнов. И правила. И партнёры. И человек, который, кажется, смотрит на меня так, будто я то ли угроза компании, то ли новый способ сойти с ума.

— Это иногда называется интерес.

— Это называется проект «Человеческое лицо компании».

— Конечно. Все великие романы начинаются с внутреннего приказа.

— Лиза!

Подруга рассмеялась, но быстро смягчилась.

— Ладно. Правда. Ты как?

Варя опустила руки.

И вот здесь стало сложнее.

Потому что простой ответ «нормально» не подходил. Она была не нормально. Она была звинчена, довольна, испугана, раздражена, польщена и очень устала, хотя день едва перевалил за утро. Её всё ещё бесил Марк со своими приказами, правилами и способностью назначать дедлайны так, будто время подчинялось ему лично. Но теперь к этому добавилось другое: он услышал её. На встрече не отодвинул. При партнёрах не сделал вид, что она просто шумный аксессуар к проекту. И когда сказал «получится», это почему-то прозвучало так, словно он имел в виду не только концепцию.

Словно верил, что у неё получится.

А к такому Варя была готова меньше, чем к выговору.

— Я не знаю, — сказала она честно. — Кажется, я влипла.

Лиза довольно прищурилась.

— В работу?

— В работу, Лиза.

— Конечно.

— Не произноси это таким тоном.

— Каким?

— Тонем женщины, которая уже мысленно выбирает мне платье на корпоративный скандал.

— Я бы выбрала зелёное. Тебе идёт.

Варя застонала и развернула ноутбук.

На экране уже мигало новое письмо.

От Марка.

Тема: Проект.

Варвара Андреевна, направляю протокол встречи. К 14:00 жду тезисы.

Отдельно: пункт о “живом человеке” оставляем в рабочей версии.

М. Громов

Варя перечитала последнюю строку дважды.

Потом третий раз.

Лиза перегнулась через стол.

— Что там?

Варя медленно повернула ноутбук к себе, чтобы подруга не увидела слишком широкую улыбку, которую она пока не успела спрятать.

— Ничего.

— Врёшь.

— Рабочее письмо.

— Ты улыбаешься рабочему письму?

— Я проверяю эмоциональную эффективность коммуникации.

— Конечно.

Варя открыла ответ и напечатала:

Марк Романович, тезисы будут к 14:00.

Пункт о живом человеке предлагаю усилить: “Босс обязан хотя бы раз в день быть похожим на человека, которому не хочется поставить печать на солнечный свет”.

С уважением,

В. Плюшкина

Она посмотрела на текст.

Слишком.

Удалить.

Удалить немедленно.

Она уже потянулась к клавише, но в этот момент за спиной раздался голос Артёма:

— Варя, это правда, что ты спасла переговоры?

Палец дёрнулся.

Письмо ушло.

Варя застыла.

Лиза тоже.

Артём, не понимая масштаба трагедии, улыбался над перегородкой.

— Что? — спросил он.

Варя медленно посмотрела на экран.

Статус: отправлено.

Внутри неё что-то торжественно упало с сорокового этажа и, кажется, даже не оставило служебной записки.

— Ничего, — сказала Варя. — Просто я только что снова сделала шаг к карьерному бессмертию.

Телефон завибрировал через тридцать секунд.

Марк.

Плюшкина.

Варя закрыла глаза.

Следующее сообщение пришло почти сразу.

К 14:00 — тезисы.

Формулировку обсудим отдельно.

Она открыла глаза.

И увидела ещё одно сообщение.

И да. Солнечный свет пока оставьте без печати.

Варя уставилась на экран.

Потом медленно прикрыла рот ладонью.

Лиза вцепилась в край стола.

— Что он написал?

Варя смотрела на телефон и понимала две вещи.

Первая: Марк Громов только что ответил ей шуткой.

Вторая: если это продолжится, очеловечивать придётся не только его образ, но и её собственное сердце, которое совершенно не по регламенту решило сделать лишний удар.

Глава 3. Пункт 7.3: не раздражать генерального

К четырнадцати ноль-ноль Варя Плюшкина успела сделать невозможное: подготовить первые тезисы коммуникационной стратегии, трижды передумать насчёт формулировки «человеческое лицо компании», дважды поймать себя на улыбке рабочему письму Марка Громова и один раз серьёзно задуматься, не стоит ли заклеить клавишу «отправить» на ноутбуке чем-нибудь тяжёлым и символическим.

Проблема была не в тезисах.

С тезисами всё складывалось даже подозрительно хорошо. Она расписала аудитории, предложила три линии продвижения «Северного сияния», вынесла в отдельный блок человеческие сценарии вместо стерильных обещаний и добавила короткий раздел под названием «Что не стоит говорить, если мы не хотим, чтобы люди уснули с открытыми глазами». Последний раздел она переименовала в «Формулировки, требующие эмоциональной адаптации», потому что всё-таки хотела дожить до пятницы.

Проблема была в офисе.

После утренних переговоров весь тридцать седьмой этаж окончательно решил, что Варя теперь не просто сотрудница отдела корпоративных коммуникаций. Варя стала событием. А события, как известно, в офисах долго без комментариев не живут.

Сначала к её столу подошла Оксана из маркетинга и очень небрежно спросила:

— Варь, а правда, что Громов теперь согласовывает с тобой выражение лица?

— Нет, — ответила Варя, не отрываясь от ноутбука. — Пока только уровень человечности на квадратный метр.

Оксана ушла довольная.

Через пять минут появился Артём из продаж.

— А правда, что ты сказала инвесторам, что наши рендеры улыбаются слишком дорого?

— Я сказала не так.

— А как?

— Лучше.

Артём поднял руки.

— Понял. Официальный комментарий: «лучше».

Ещё через десять минут кто-то из соседнего ряда прислал в личный чат ссылку на созданную таблицу с названием:

«Проект Громов — Плюшкина: кто сорвётся первым?»

Варя открыла таблицу.

Закрыла.

Снова открыла, потому что человеческая слабость иногда сильнее профессиональной дисциплины.

В первой колонке значились участники. Во второй — ставка. В третьей — комментарий. Вариантов было много: «Громов сорвётся к пятнице», «Плюшкина хлопнет дверью до конца недели», «оба выдержат, но пострадает отдел кадров», «Елена Викторовна всё знала заранее», «Лиза выиграет, потому что она бухгалтер и считает лучше всех».

Напротив имени Лизы стояла ставка: **«Оба сорвутся. Но не так, как думает офис».**

Варя медленно повернула голову к подруге.

Лиза сидела за своим столом с невинным видом женщины, которая только что подписала годовой отчёт и не имеет никакого отношения к моральному разложению коллектива.

— Корнеева.

— Что? — Лиза даже не подняла глаз.

— Ты участвуешь в ставках?

— Я их контролирую.
— То есть это ты завела таблицу?
— Нет. Я просто исправила формулы. Там была чудовищная ошибка в подсчёте вероятностей.
— Лиза.
Подруга наконец посмотрела на неё.
— Варь, я бухгалтер. Я не могу спокойно смотреть, как люди неправильно оформляют азарт в Excel.
— Это не азарт. Это моя карьера.
— Именно поэтому я поставила осторожно.
— Ты поставила, что мы оба сорвёмся.
— Но с хорошим коэффициентом.
Варя закрыла лицо ладонями.
— Я работаю в цирке.
— Нет, в девелопменте. В цирке хотя бы костюмы веселее.
— Лиза, удали таблицу.
— Не могу.
— Почему?
— Она уже в копиях.
Варя отняла руки от лица и посмотрела на подругу с тихим ужасом.
— У кого?
— У половины этажа.
— Прекрасно. Вчера я стала автором мема. Сегодня — участницей корпоративного тотализатора. Завтра, видимо, меня выставят в холле с табличкой «не кормить после дедлайна».
— Не драматизируй. Все за тебя болеют.
— Это не утешает, когда все ещё и делают ставки на твою гибель.
— Не на гибель. На развитие сюжета.
Варя указала ручкой на Лизу.
— Ты слишком много читаешь ромкомов.
— А ты в одном живёшь и сопротивляешься жанру.
— Я живу в проекте с дедлайном к пятнице.
— Конечно. А ещё тебе пишет Марк Громов про солнечный свет.
Варя быстро посмотрела по сторонам.
— Тише.
— Почему? Это же рабочая переписка.
— Потому что я не хочу, чтобы завтра появилась таблица «сколько раз Плюшкина перечитала письмо генерального».
Лиза прищурилась.
— А сколько?
— Я не считала.
— Варь.
— Несколько.
— Насколько несколько?
— Лиза, у тебя отчёт горит.
— Не переводи тему.
— У меня стратегия горит.
— Вот именно. И ты улыбаешься в монитор так, будто там не стратегия, а личное приглашение в неприятности.
Варя хотела возразить, но в этот момент на экране вспыхнуло новое уведомление.

Марк Громов:

Варвара Андреевна, жду вас в 14:00. Кабинет 4001.

Материалы — в печатном и электронном виде.

М. Громов

Следом пришло второе сообщение.

И без лирических отступлений в официальном документе.

Варя уставилась на экран.

Лиза медленно перегнулась через стол, но Варя уже развернула ноутбук к себе.

— Не подсматривай.

— Он снова написал?

— Рабочее.

— Ты снова улыбаешься.

— У меня просто лицо такое. Коммуникационное.

— Варь, послушай меня серьёзно.

Вот это было опасно.

Когда Лиза произносила «серьёзно», офисная реальность обычно переставала быть смешной. Подруга отодвинула кружку, облокотилась на стол и посмотрела так, что Варя невольно убрала руки с клавиатуры.

— Громов опасен, — сказала Лиза.

— Спасибо. Неожиданная новость. Я-то думала, он плюшевый руководитель в дорогом костюме.

— Не потому, что злой. Он не злой.

— Вот это уже спорно.

— Он жёсткий, закрытый, помешанный на контроле и явно считает календарь формой высшей справедливости. Но не злой. Опасность в другом.

— В чём?

Лиза понизила голос:

— Он слишком красивый для человека с такой тяжёлой энергетикой начальника.

Варя моргнула.

— Это твоё серьёзное предупреждение?

— Абсолютно. Злого начальника можно ненавидеть спокойно. Красивого властного начальника, который вдруг начинает тебя слушать и отвечать на твои шутки, ненавидеть гораздо труднее. Это портит дисциплину.

— Мою?

— В первую очередь твою. Громов-то, может, и выживет. У него, судя по лицу, самоконтроль входит в базовую комплектацию.

Варя хотела рассмеяться, но смех застрял где-то между горлом и грудью.

Потому что Лиза попала неприятно точно.

Марк раздражал её. Всё ещё раздражал. Своей манерой давать сроки так, будто он купил время оптом. Своей привычкой замечать лишнее. Своим «Плюшкина», от которого у неё почему-то сбивалась внутренняя опора. Своим строгим взглядом, в котором теперь, после утренней встречи, появлялось не только недовольство, но и интерес.

А ещё он вчера не уволил её.

Сегодня дал ей говорить.

При партнёрах сказал «получится».

И ответил шуткой.

Варя не была девочкой, которая теряет голову от первого признака внимания. Она умела отличать уважение от флирта, деловую необходимость от личного интереса, а красивого мужчину от хорошего человека. Жизнь в женском теле, которое люди слишком часто считали поводом для комментариев, научила её не путать чужой взгляд с принятием. Но именно поэтому Марк сбивал её с толку: он не смотрел на неё как на удобную шутку, не пытался быть снисходительным, не делал вид, что её остроумие — милый бонус к внешности.

Он слушал.

Иногда спорил, иногда давил, иногда выглядел так, будто собирается внести её в отдельный реестр раздражающих факторов. Но слушал.

И это было гораздо опаснее комплимента.

— Я не собираюсь влюбляться в генерального директора, — сказала Варя.

Лиза медленно подняла брови.

— А я разве сказала «влюбляться»?

Варя замерла.

— Ты подлая.

— Я бухгалтер. Мы называем это точностью.

Уведомление на ноутбуке снова мигнуло, напоминая, что до четырнадцати осталось девять минут.

Варя закрыла документ, собрала распечатки в папку и встала.

— Всё. Я пошла защищать стратегию.

— И сердце.

— Стратегию.

— Конечно.

— Лиза.

— Что?

— Если я не вернусь, удали таблицу ставок.

— Если ты не вернёшься, таблица сама станет историческим документом.

— Иногда мне кажется, ты дружишь со мной только ради материала.

— Неправда. Ещё ради твоих реплик.

Варя показала ей папкой жест, который в рамках корпоративной этики можно было считать выразительным, но допустимым, и пошла к лифтам.

На сороковом этаже её уже ждали.

Елена Викторовна подняла глаза от монитора.

— Марк Романович просил вас пройти сразу.

— Он всегда просит так, будто я уже опоздала, даже если пришла заранее.

— Это одна из его управленческих особенностей.

— Вы сказали это с такой нежностью, что мне стало страшно.

Елена Викторовна посмотрела на неё почти мягко.

— Привыкнете.

Варя остановилась.

— Это угроза или поддержка?

— В компании Марка Романовича между ними иногда тонкая граница.

Кабинет 4001 встретил Варю открытой дверью и голосом Марка:

— Входите.

Он стоял у стола, сняв пиджак. Белая рубашка, тёмный жилет, закатанные на один оборот рукава — ничего особенного, просто рабочий день. Но Варя вдруг забыла, что хотела сказать.

Не надолго.

На две секунды.

Может, на три.

Совершенно недопустимый временной провал для женщины, которая пришла защищать стратегию, а не оценивать, как красиво у начальника лежит ткань на плечах.

Марк поднял взгляд от документов.

— Варвара Андреевна?

— Да, — сказала она слишком быстро. — Я здесь. Физически, морально и с распечатками.

— Прекрасно. Начнём.

Он сел за стол и указал на кресло напротив. Варя положила перед ним материалы.

— Тезисы по «Северному сиянию». Первая часть — аудитории. Вторая — ключевые сообщения. Третья — примеры подачи. Четвёртая — формулировки, которые нужно вытащить из состояния вечной деловой печали.

Марк открыл папку.

— В документе это называется иначе.

— Я адаптирую речь под собеседника.

— Сейчас собеседник — я.

— Именно поэтому я сказала честно.

Он задержал на ней взгляд.

— Пункт 7.3.

— Простите?

Марк достал из папки лист с правилами проекта и положил между ними.

— Я добавил новый пункт.

Варя наклонилась.

В конце списка аккуратным шрифтом было напечатано:

7.3. Варвара Андреевна Плюшкина обязуется не раздражать генерального директора намеренно.

Она медленно подняла голову.

— Марк Романович, это дискриминация творческого метода.

— Это защита рабочего процесса.

— А если я раздражаю вас ненамеренно?

— Тогда пункт не применяется.

— То есть у меня остаётся широкое поле деятельности.

— Я заметил.

— Предлагаю добавить подпункт: «Генеральный директор обязуется не назначать дедлайны таким тоном, будто солнце встаёт по его поручению».

— Отклонено.

— Без обсуждения?

— Да.

— Авторитарно.

— Эффективно.

Варя откинулась на спинку кресла.

— Вы понимаете, что пункт 7.3 невозможно соблюдать? Раздражение — субъективный фактор. Ваша реакция может быть вызвана не моим намерением, а вашей врождённой нелюбовью к живой речи.

— Вы сейчас спорите с пунктом или нарушаете его?

— Уточняю границы.

— Нарушаете.

— Тогда фиксируйте первое нарушение. Я хочу красивую статистику.

Марк взял ручку и сделал пометку на полях.

Варя вытянула шею.

— Вы правда записали?

— Да.

— Что?

— «Пункт 7.3 нуждается в уточнении».

Она улыбнулась.

— Осторожно. Так вы скоро начнёте признавать мою правоту.

— Не рассчитывайте.

— Уже нет. Просто наблюдаю редкий процесс.

— К тезисам, Варвара Андреевна.

И они перешли к работе.

С Марком было трудно спорить не потому, что он давил. Давление Варя выдерживать умела. Сложнее было другое: он быстро думал, мгновенно видел слабые места и не пропускал ни одной размытой формулировки. Если Варя писала «создать атмосферу доверия», он спрашивал: «Как измерим?» Если она предлагала «показать живые сценарии», он требовал: «Какие именно и через какой канал?» Если она говорила «партнёры должны почувствовать», он сразу отрезал: «Партнёры должны не чувствовать, а принять решение».

Иногда ей хотелось бросить в него распечаткой.

Иногда — аплодировать.

Это раздражало сильнее всего.

— Фраза «дом, в который хочется возвращаться» слишком общая, — сказал Марк, делая пометку.

— Она общая, если стоит одна. В связке с конкретными историями она работает.

— Докажите.

— Марк Романович, я не могу построить вам покупательскую симпатию из бетона и актов приёма.

— Жаль. Это было бы проще согласовать.

— Вот поэтому вам и нужен человеческий образ.

Он поднял глаза.

— Пункт 7.3.

— Это не намеренно. Это боль специалиста.

— Сомневаюсь.

Два часа пролетели в плотной работе. Варя спорила, переписывала, защищала фразы, иногда сдавалась, иногда отвоёвывала целые абзацы. Марк вычёркивал лишнее, требовал точности, возвращал её от красивых образов к структуре, но неожиданно оставлял те места, где она была уверена, что он возьмётся за красную ручку без сожалений.

Например, он не тронул фразу:

«Мы строим не витрину статуса, а место, где человеку не нужно изображать идеальную жизнь, чтобы чувствовать себя дома».

Варя ждала замечания.

Марк прочитал, помолчал и сказал:

— Оставить.

— Правда?

— Да.

— Без правок?

— Пока.

— Слово «пока» испортило момент, но я всё равно тронута.

— Не увлекайтесь.

— Не обещаю.

К четырём часам они подготовили скелет выступления для внутренней презентации перед инвестиционным комитетом, который собирался на следующий день. По плану Марк должен был выступать сам. Варя — только подготовить текст и сопровождать его как автор коммуникационной части.

По факту через полчаса стало ясно: если Марк выйдет с изначальной версией, инвесторы услышат крепкий доклад, точные расчёты и ни одной причины запомнить проект сердцем. Если с Вариной — его могут впервые слушать не из уважения к должности, а из интереса.

Марк это понял.

И ему это очень не понравилось.

— Слишком легко, — сказал он, перечитывая правленную речь.

Варя устало подняла голову.

— Что именно?

— Тон.

— Он не лёгкий. Он ясный.

— Здесь много образов.

— Там три образа на пять страниц. Я считала.

— Фраза про маршрут жизни района...

— Отличная.

— Спорная.

— Отличная и спорная — не взаимоисключающие категории.

— Для инвестиционного комитета нужен более строгий тон.

— Для инвестиционного комитета нужен тон, после которого люди не пожалеют, что пришли.

Марк положил лист на стол.

— Вы слишком полагаетесь на эмоциональный эффект.

— А вы слишком полагаетесь на то, что люди способны любить таблицы.

— Им не нужно любить таблицы. Им нужно доверять расчётам.

— Расчётам доверяют, когда человеку, который их представляет, тоже доверяют.

— Вы возвращаетесь к тому же.

— Потому что это основа проекта.

Они смотрели друг на друга через стол, и воздух между ними снова стал плотным. Не злым. Не враждебным. Но заряженным. Варя уже начинала узнавать это ощущение: спор с Марком был похож на перетягивание каната, только вместо каната — смысл, а вместо победы — странное удовольствие от того, что собеседник не сдаётся.

Марк первым отвёл взгляд к тексту.

— Хорошо. Оставим.

Варя подозрительно прищурилась.

— Вы согласились?

— Да.

— Просто так?

— Нет. Ваша аргументация была убедительной.

Она приложила ладонь к груди.

— Секунду. Мне нужно запомнить этот миг. Возможно, потом я буду рассказывать о нём молодым сотрудникам у офисного автомата с кофе.

— Вы снова нарушаете пункт 7.3.

— Марк Романович, если вы будете так часто ссылаться на пункт 7.3, он станет нашей песней.

Он замер.

Варя тоже.

Слово «нашей» внезапно повисло между ними, как слишком яркая деталь в строгом кабинете. Варя почувствовала, как тепло поднимается к лицу, и быстро потянулась за распечатками.

— В смысле рабочей, — сказала она. — Нашей рабочей песней. Очень деловой. Без припева.

Марк смотрел на неё с выражением человека, который мог бы сделать вид, что не заметил, но не хотел лишать себя этого удовольствия.

— Разумеется.

— Не надо так говорить.

— Как?

— С видом, будто вы мысленно сделали пометку.

— Я сделал.

— Уничтожьте.

— Я ничего не уничтожаю. Переношу в архив.

Варя открыла рот.

Закрыла.

Он использовал её же фразу.

И сделал это совершенно спокойно, почти без улыбки, но с таким едва уловимым блеском в глазах, что у Вари на секунду пропали все заготовленные ответы.

Это было нечестно.

Он обучался.

Быстро.

Опасно быстро.

— Вы становитесь проблемой, Марк Романович, — сказала она наконец.

— Ваша задача — решать коммуникационные проблемы.

— Некоторые проблемы слишком хорошо выглядят в жилете.

Пауза.

Варя поняла, что сказала это вслух, только когда Марк медленно опустил взгляд на свой жилет, а потом снова поднял на неё глаза.

— Это тоже часть профессиональной оценки?

Варя мгновенно уткнулась в документы.

— Нет. Это сбой системы.

— Вашей?

— Корпоративной.

— Удобно.

— Очень.

Он ничего не ответил.

И именно поэтому тишина стала опаснее любой реплики.

Спасла её Елена Викторовна, постучавшая в дверь.

— Марк Романович, через десять минут звонок с подрядчиками. И Степан Игоревич просит согласовать материалы по завтрашней презентации.

Марк посмотрел на часы.

— Пусть зайдёт после звонка.

— Хорошо.

Когда дверь закрылась, он вернул Варе листы.

— Переработайте речь к девятнадцати ноль-ноль. Финальную версию согласуем сегодня.

— Сегодня?

— Да.

— Марк Романович, у нормальных людей после девятнадцати начинается вечер.

— У нас — подготовка к комитету.

— Я всё больше понимаю, почему вы стали героем мема.

— Пункт 7.3.

— Это уже пункт 7.4: не доводить сотрудницу дедлайнами до философского отчаяния.

— Добавьте в рабочую версию.

— Не искушайте.

Он на секунду задержал на ней взгляд.

— Варвара Андреевна.

— Да?

— Вы действительно хорошо работаете.

На этот раз Варя не успела спрятаться за шутку сразу.

Слова попали точно. Не в тщеславие даже. Глубже. В ту часть её, которая слишком часто привыкла доказывать, что за яркой помадой, пышными формами и быстрыми ответами есть профессионал. Не забавная девочка из отдела коммуникаций. Не «наша Плюшкина, она сейчас что-нибудь смешное скажет». А человек, который умеет делать работу так, чтобы её замечали.

Она опустила глаза к папке.

— Спасибо.

Получилось тихо.

Слишком тихо для неё.

Марк услышал. Конечно, услышал.

— До девятнадцати, — сказал он уже деловым тоном.

— До девятнадцати, — ответила Варя и поднялась.

В коридоре она позволила себе выдохнуть только у лифтов.

И тут же получила сообщение от Лизы:

Ну что, жива?

Варя набрала:

Жива. Но пункт 7.3 официально существует.

Лиза ответила почти сразу:

Что за пункт?

Не раздражать генерального намеренно.

Пауза длилась десять секунд.

Потом пришло:

Ты уже нарушила?

Варя посмотрела на закрывающиеся двери лифта и напечатала:

Многократно. С художественной ценностью.

К вечеру офис уже гудел.

Варя не знала, каким образом информация о пункте 7.3 просочилась вниз, но к шести часам кто-то повесил у кофейной зоны листок:

Пункт 7.3: не раздражать генерального.

Пункт 7.3.1: если раздражать, то красиво.

Под листком появлялись подписи. Варя увидела их случайно, когда шла за кофе, и замерла.

— Я этого не видела, — сказала она.

Артём, стоявший рядом с автоматом, поднял стаканчик.

— Конечно. Это плод коллективного бессознательного.

— Артём.

— Что?

— Снимите.

— Почему я?

— Потому что ты стоишь ближе.

— Логично.

Он снял листок, но перед этим успел сфотографировать. Варя заметила.

— Удали.

— Для истории.

— Для отдела кадров.

— Удаляю.

Он сделал вид, что нажимает на экран.

Варя протянула руку.

— Покажи.

— Какая недоверчивая женщина.

— Какая опытная.

Артём послушно показал галерею. Фото исчезло. Возможно. С Артёмом никогда нельзя было быть уверенной, но у Вари сейчас не было сил проводить цифровой обыск.

Она вернулась за стол и погрузилась в речь.

Работа спасала.

В работе было проще: слова, структура, логика, ритм. Варя убирала сухие обороты, оставляла сильные цифры, вплетала живые детали, подбирала переходы так, чтобы Марк мог произнести их естественно. Не как артист. Не как кто-то чужой. Как он сам, только без стены между собой и залом.

К семи вечера текст был готов.

К семи десять Варя поднялась на сороковой этаж.

К семи двенадцать поняла, что день ещё не собирается заканчиваться.

В кабинете Марка находился Степан.

Он сидел в кресле напротив стола, расслабленно закинув ногу на ногу, и держал в руках распечатку Вариной речи.

— А вот и автор, — сказал он, когда она вошла. — Варвара Андреевна, вы сегодня стали главным поставщиком вдохновения.

— Надеюсь, по внутреннему договору, — ответила Варя.

Марк стоял у окна с планшетом в руках.

— Мы обсуждаем завтрашнее выступление.

— Вижу.

— Текст яркий, — сказал Степан. — Даже слишком.

Варя положила папку на стол.

— Слишком яркий — это когда текст видно из соседнего района. Наш просто перестал быть серым.

Степан усмехнулся.

— Вы защищаете каждую фразу так, будто она ваша личная собственность.

— Пока она работает — да.

— А если не работает?

— Тогда я перепишу.

— Смело.

— Практично.

Степан перевёл взгляд на Марка.

— Я всё же считаю, что для комитета это риск. Они привыкли к твоей манере, Марк. Чётко, строго, без красивостей. Сейчас текст будто написан не для тебя, а для кого-то... более мягкого.

Варя заметила, как Марк чуть сжал планшет.

Не сильно.

Но заметила.

— Текст написан для цели, — сказала она. — А цель — не подтвердить привычный образ Марка Романовича, а усилить доверие к проекту.

Степан посмотрел на неё с прежней улыбкой.

— Вы очень уверены в себе.

— Нет. Я уверена в задаче.

— Разница тонкая.

— Но важная.

Марк наконец отошёл от окна.

— Я выступлю с этой версией.

Степан поднял брови.

— Полностью?

— Да.

— Даже с фразой про место, где не нужно изображать идеальную жизнь?

— Особенно с ней.

Варя не посмотрела на Марка, но почувствовала, как внутри у неё снова стало тепло. Непозволительно, раздражающе тепло.

Степан сложил листы.

— Что ж. Посмотрим, как комитет оценит новую лирическую эпоху «Громов Девелопмент».

— Оценит не лирическую эпоху, — сказал Марк. — А проект.

— Конечно.

Степан поднялся, кивнул им обоим и вышел.

Варя проводила его взглядом.

— Он не любит, когда его не слушают.

— Да.

— И не любит меня.

— Он вас почти не знает.

— Для некоторых людей это не препятствие.

Марк посмотрел на дверь, за которой исчез Степан.

— Не принимайте на свой счёт.

— Не получится. Он смотрит так, будто я случайно испортила ему красивую партию.

— Возможно, так и есть.

Варя повернулась к Марку.

— Это сейчас было предупреждение?

— Наблюдение.

— У вас все неприятные фразы проходят под видом наблюдений.

— Это удобно.

— Для вас.

— В первую очередь.

Она устало улыбнулась.

— Ладно. Давайте прогонять речь.

Марк взял распечатку.

И следующие сорок минут Варя наблюдала за тем, как властный, жёсткий, привыкший к контролю человек пытается произнести живой текст так, чтобы он не звучал для него чужим.

Сначала выходило плохо.

Очень.

Фраза «мы строим место, где люди смогут выдохнуть после длинного дня» в исполнении Марка прозвучала так, будто выдох тоже требовал утверждённого регламента. Варя остановила его на середине второго абзаца.

— Нет.

— Что не так?

— Вы снова докладываете о человечности как об объекте инфраструктуры.

— Я читаю текст.

— А надо говорить.

— Я говорю.

— Нет. Вы озвучиваете документ.

Он опустил листы.

— Варвара Андреевна, у нас мало времени.

— Именно поэтому я не буду делать вид, что это работает.

Он посмотрел на неё тяжело.

— Хорошо. Что вы предлагаете?

— Отложите листы.

— Я должен знать текст.

— Вы его знаете. Отложите.

Марк помедлил, но положил распечатку на стол.

— Теперь скажите своими словами, зачем вам этот проект.

— Он экономически перспективен.

— Не то.

— Он важен для развития района.

— Тоже не то.

— Варвара Андреевна.

— Марк Романович.

Они снова уставились друг на друга.

Варя шагнула ближе к столу.

— Не отвечайте как генеральный директор. Ответьте как человек, который почему-то решил строить не очередную стеклянную коробку, а целый квартал у воды.

Он молчал.

Долго.

Так долго, что Варя уже подумала: переборщила. Сейчас он снова станет холодным, вернёт листы, скажет, что её метод неэффективен, и на этом вечер закончится.

Но Марк вдруг посмотрел не на неё, а за окно.

Город внизу темнел. В стёклах высоток загорались огни, дороги вытягивались золотыми линиями, и где-то там, далеко под сороковым этажом, люди возвращались домой. В свои квартиры, к своим разговорам, к своим обычным вечерам, которые в презентациях назывались «сценариями пользовательского опыта», а в жизни были просто жизнью.

— Потому что район мёртвый, — сказал Марк наконец.

Голос стал ниже.

Тише.

Не для выступления. Для себя.

Варя замерла.

— Там хорошее место, — продолжил он. — Но люди его не видят. Проезжают мимо. Участок стоит между прошлым и будущим, и все слишком долго делают вид, что это ничья территория. Мне не нравится, когда город отворачивается от собственных мест. Если мы построим правильно, там появится не просто комплекс. Появится причина остановиться.

Он замолчал.

Варя смотрела на него и понимала: вот оно.

Не текст.

Не стратегия.

Не «человеческое лицо компании».

Сам Марк, на несколько секунд забывший держать броню идеально застёгнутой.

— Вот это и скажите завтра, — тихо произнесла она.

Он повернул к ней голову.

— Это не по тексту.

— Зато правда.

Марк смотрел на неё долго. Потом взял ручку и на первой странице выступления зачеркнул вступительный абзац.

— Пишите.

Варя улыбнулась.

— С удовольствием.

К девяти вечера речь стала другой.

Строже, чем Варя хотела. Живее, чем Марк планировал. Их общей работой, хотя ни один из них не сказал бы это вслух без серьёзных последствий для самоуважения.

На следующий день инвестиционный комитет слушал Марка Громова иначе.

Варя сидела у стены с ноутбуком на коленях и почти не дышала, когда он вышел к экрану. В зале было человек двадцать: внутренние руководители, представители финансового блока, юристы, несколько приглашённых партнёров. Степан сидел ближе к центру, с привычной лёгкой улыбкой. Лиза каким-то чудом оказалась в списке присутствующих от бухгалтерии и теперь смотрела на Варю с выражением «я здесь ради цифр, но мы обе знаем правду».

Марк начал без слайда.

Это уже было нарушением его обычной манеры.

— Есть места, мимо которых город слишком долго проходит, не замечая, — сказал он.

В зале стало тише.

Варя почувствовала, как пальцы сами собой сжались на краю ноутбука.

Он говорил спокойно, уверенно, без лишней мягкости. Не изображал другого человека. Не пытался быть обаятельным. Просто перестал прятать смысл за тяжёлой стеной управленческих формулировок. Цифры пришли позже. И когда пришли, им уже верили больше, потому что у проекта появилось лицо.

Не Варин голос.

Его.

Только чуть освобождённый от гранита.

На фразе про «место, где человеку не нужно изображать идеальную жизнь, чтобы чувствовать себя дома» кто-то из приглашённых партнёров поднял голову от распечатки. Инга Белова, снова присутствовавшая на встрече, сделала пометку. Сергей Павлович Крайнов чуть заметно кивнул.

Варя поймала себя на том, что гордится.

Не текстом.

Им.

И тут же мысленно одёрнула себя.

Нельзя гордиться генеральным директором. Это не предусмотрено должностными инструкциями, логикой самосохранения и пунктом 7.3, который наверняка можно было расширить до «не испытывать к генеральному директору чувства, не поддающиеся согласованию».

Выступление закончилось вопросами.

И тут произошло второе невозможное: вопросы были не вежливые, а живые. Люди спорили о кампании, уточняли детали, предлагали варианты партнёрских историй, обсуждали не

только бюджет, но и смысл. Марк отвечал чётко. Иногда сухо. Иногда с такой выверенной прямо-
мотой, что Варя мысленно хотела подкинуть ему карточку «чуть мягче». Но в целом он держал
зал блестяще.

А потом Сергей Павлович Крайнов сказал:

— Марк Романович, сегодня проект звучит убедительнее. Не потому, что цифры изме-
нились. Потому что стало понятно, зачем он вам.

Марк кивнул.

— Спасибо.

И посмотрел на Варю.

Всего на секунду.

Но этой секунды хватило, чтобы у неё внутри всё снова сделало лишний, совершенно
несанкционированный круг.

После презентации зал шумел. Люди вставали, обменивались мнениями, кто-то подходил
к Марку, кто-то к Степану. Варя собирала ноутбук, когда рядом возникла Лиза.

— Ну? — тихо спросила подруга.

— Что «ну»?

— Он был хорош.

— Он был подготовлен.

— Варь.

— Что?

— Он был хорош.

Варя застегнула сумку.

— Да. Был.

Лиза довольно улыбнулась.

— О, прогресс. Ты признала это без шутки.

— Не привыкай.

— Уже поздно.

К ним подошёл Артём, сияющий так, будто лично продал все квартиры в «Северном
сиянии» за один перерыв.

— Варя, это было сильно. Слушай, когда он сказал про место, где не надо изображать
идеальную жизнь, у меня даже мурашки...

— Артём, — предупредила Лиза.

— Что?

— Не порти момент банальностью.

— Я искренне.

— Тем более осторожнее.

Варя рассмеялась.

На секунду всё было хорошо.

До тех пор, пока она не вышла из зала чуть раньше остальных, чтобы отнести распечатки
в переговорную рядом.

Коридор за конференц-зоной был узким, с нишей у окна и закрытой дверью маленькой
комнаты для звонков. Варя уже почти дошла до поворота, когда услышала голоса.

— ...да ладно тебе, — говорил мужчина из отдела продаж, кажется, тот самый Кирилл,
который вчера поставил реакцию под мемом одним из первых. — Она забавная, я не спорю.

Варя остановилась.

Не потому, что хотела подслушивать.

Просто её имя ещё не прозвучало, но интонация уже прозвучала. Такая, от которой тело
понимает раньше головы: сейчас будет неприятно.

— Забавная — не значит профессионал, — ответил второй голос. Женский. Оксана из маркетинга. — Просто Громову сейчас выгодно показать, что он умеет слушать «народ». Вот и вытащил её как символ живости.

— Ну, символ живости там заметный, — усмехнулся Кирилл.

Пауза.

Потом Оксана сказала тише, но не настолько, чтобы Варя не услышала:

— Главное, чтобы она не решила, что реально стала лицом проекта. С её-то комплекцией лучше всё-таки за кадром. Для внутренних шуток — да, мило. Для публичной кампании — спорно.

Варя не двинулась.

Слова не были новыми.

В этом и была их мерзость.

Она слышала похожее раньше — в разных местах, разными голосами, под разными соусами вежливости. «Ты такая яркая, но давай на фото поставим Катю». «Ты классно говоришь, но для сцены нужен другой типаж». «Ты очень обаятельная, только не обижайся, у бренда есть визуальные требования». Обычно она отвечала шуткой. Иногда такой острой, что собеседник краснел. Иногда мягкой, чтобы самой не выглядеть обиженной. Потому что обиженная пышная женщина в глазах некоторых людей сразу становилась «слишком чувствительной», а смешная — удобной.

Сегодня шутка не пришла.

Наверное, устала.

— А Громов-то чего? — спросил Кирилл. — Ему вроде нравится.

— Громову нравится результат, — сказала Оксана. — Не путай. Такие мужчины не влюбляются в женщин, которые сами над собой шутят, чтобы не услышать чужие шутки. Они используют талант, потом возвращают всё на место.

Варя почувствовала, как пальцы сильнее сжали папку.

Она могла выйти.

Сказать что-нибудь блестящее.

Например, что у Оксаны потрясающая способность уменьшать людей до размеров собственного кругозора. Или что Кирилл может не переживать: символом проекта он точно не станет, потому что символ должен хоть что-то означать. Это было бы в её стиле. Ярко. Быстро. Смешно. Офис потом бы цитировал.

Но вдруг не захотелось.

Не потому, что она проиграла.

А потому что устала каждый раз превращать чужую бестактность в сцену, где ей нужно быть остроумной, чтобы сохранить достоинство.

Она сделала шаг назад.

И наткнулась спиной на кого-то.

Варя резко обернулась.

Марк Громов стоял за ней.

Очень близко.

Так близко, что она увидела не только его глаза, но и то, как изменилось его лицо.

Он всё слышал.

Варя поняла это сразу.

По тому, как исчезла вся сухая деловая отстранённость. По тому, как выпрямились плечи. По тому, как взгляд стал не холодным даже — тяжёлым, точным, без единой лишней эмоции на поверхности, но с чем-то опасным под ней.

— Марк Романович, — тихо сказала она.

Он не ответил ей.

Он посмотрел за её плечо.

Кирилл и Оксана как раз вышли из ниши, всё ещё не заметив, что аудитория у их разговора оказалась гораздо шире, чем планировалось.

Первыми они увидели Варю.

Кирилл смутился, но попытался улыбнуться.

— О, Варь, мы тут...

Потом он увидел Марка.

Улыбка умерла быстро и без славы.

Оксана побледнела.

— Марк Романович...

Варя успела подумать только одно: сейчас он сделает вид, что ничего не слышал. Так обычно делают руководители. Не потому, что одобряют. А потому, что вмешиваться в такие моменты неудобно. Слишком лично, слишком мелко для высокого уровня, слишком сложно для официальной реакции. Максимум потом скажут: «Не принимайте близко к сердцу».

Марк сделал шаг вперёд.

— Варвара Андреевна, — произнёс он, не глядя на неё, — задержитесь.

Голос был ровным.

Только Варя уже начала понимать: самый ровный голос Марка Громова означал не спокойствие. Он означал, что решение принято.

Кирилл попытался что-то сказать:

— Марк Романович, мы не хотели...

— Молчать.

Одно слово.

Тихое.

Не крик.

Но Кирилл замолчал так резко, будто перед ним закрыли дверь.

Оксана судорожно прижала к груди планшет.

— Марк Романович, это был частный разговор.

— В рабочем пространстве. После официальной презентации. О сотруднике компании. С оценкой её профессиональной пригодности через внешность.

Каждое слово легло точно, как печать на документ.

Варя невольно вздрогнула от последнего образа и тут же мысленно отругала себя: даже сейчас мозг пытался комментировать.

— Я не это имела в виду, — быстро сказала Оксана.

— Вы сказали достаточно ясно.

— Простите, если Варвара Андреевна услышала и...

— Не ей должно быть «если», — перебил Марк.

Оксана замолчала.

Марк смотрел на неё так, как, наверное, смотрел на подрядчиков, сорвавших сроки и надеявшихся отделаться общими словами.

— В этой компании профессиональная пригодность оценивается по работе, результату и ответственности. Не по комплекции. Не по удобству чужого восприятия. Не по тому, насколько сотрудник соответствует чьему-то представлению о «лице проекта».

Варя стояла рядом и не могла пошевелиться.

Не потому, что ей нужна была защита.

Она всю жизнь справлялась сама.

Но никто из людей с властью раньше не произносил это так. Не мягко, не неловко, не после того, как ей приходилось самой доказывать, что её можно уважать. Марк не спасал её вместо неё. Он ставил границу там, где она должна была стоять всегда.

— Варвара Андреевна сегодня сделала для проекта больше, чем некоторые подразделения за месяц обсуждений, — продолжил он. — Её текст, её стратегия и её выступление на переговорах повлияли на решение партнёров. Если у вас есть профессиональные замечания к её работе, вы оформите их письменно, с аргументами. Если замечаний нет, обсуждать её внешность вы не будете. Ни в коридоре, ни в переговорной, ни в личных сообщениях на рабочих устройствах.

Кирилл сглотнул.

— Понял.

— Я не закончил.

Кирилл снова замер.

Марк перевёл взгляд с него на Оксану.

— Завтра к десяти вы оба направите Алле Сергеевне письменные объяснения. До конца недели пройдёте дополнительный инструктаж по деловой коммуникации. И пересмотрите материалы кампании «Северного сияния» на предмет подобных скрытых оценок. Если там найдётся хоть одна формулировка, которая делит людей на «подходящих» и «неподходящих» по внешнему виду, отвечать будете лично.

Оксана кивнула.

— Да, Марк Романович.

— Свободны.

Они ушли быстро.

Очень быстро.

Коридор опустел.

Варя всё ещё держала папку так крепко, что край впился в ладонь. Она смотрела не на Марка, а на окно в конце коридора, где отражались они двое: он — высокий, строгий, почти неподвижный; она — яркая, пышная, с поднятым подбородком и глазами, в которых опасно щипало от злости, стыда и чего-то ещё, чему она пока не хотела давать имя.

— Варвара Андреевна, — сказал Марк уже другим голосом.

Тише.

Она быстро улыбнулась.

Слишком быстро.

— Что ж, пункт о человеческом лице компании неожиданно получил практическое применение.

Он не улыбнулся.

— Не надо.

Варя замерла.

— Что?

— Шутить сейчас, если вам не смешно.

Она сглотнула.

Между ними повисла пауза — не деловая, не безопасная, не такая, которую можно закрыть остротой.

Варя отвела взгляд.

— Вы нарушили своё правило невмешательства.

— Да.

— Осознанно?

— Да.

— Это надо будет внести в регламент.

— Внесём.

Она всё-таки посмотрела на него.

Марк стоял рядом, и в его лице не было жалости. Спасибо ему за это. Жалость Варя бы не выдержала. Там было другое: сдержанное, тяжёлое уважение и злость, которую он держал не на неё, а за неё.

Это было так непривычно, что у неё снова захотелось пошутить.

Но он попросил не надо.

И она не стала.

— Спасибо, — сказала Варя.

Просто.

Без бантика из иронии.

Марк кивнул.

— Вы не обязаны отбиваться от этого одна.

Варя медленно вдохнула.

— Я привыкла.

— Придётся отвыкать.

Слова были сказаны спокойно, почти сухо.

Но почему-то именно от них у неё внутри что-то дрогнуло сильнее, чем от всей его защиты минутой раньше.

Варя посмотрела на него и впервые за всё время не нашла готовой реплики.

Марк тоже молчал.

А потом из конференц-зала донёсся голос Степана:

— Марк? Тебя ждут у лифтов.

Момент оборвался.

Марк не сразу повернулся на голос. Сначала он посмотрел на Варю, словно проверяя, стоит ли она твёрдо.

— Я подойду позже, — сказал он, не повышая голоса.

— Там Крайнов, — ответил Степан из-за поворота. — Он хочет обсудить следующий шаг.

Марк всё ещё смотрел на Варю.

— Вы сможете вернуться в зал?

Она выпрямилась.

Вот это уже было знакомо.

Работа. Плечи назад. Подбородок выше. Дышать ровно.

— Конечно.

— Варвара Андреевна.

— Да?

— Не «конечно», если нет.

Она усмехнулась. Уже почти по-настоящему.

— Осторожно, Марк Романович. Это звучит как забота.

Он выдержал её взгляд.

— Тогда запишите как нарушение пункта 7.3.

И ушёл к лифтам, оставив Варю в коридоре с папкой, сбитым дыханием и пугающе ясной мыслью: она больше не могла делать вид, что Марк Громов для неё просто строгий босс с тяжёлым характером и красивым жилетом.

Потому что строгие боссы не говорят: **«Вы не обязаны отбиваться от этого одна»**.

И уж точно не заставляют после этой фразы сердце вести себя так, будто оно никогда не подписывало корпоративный регламент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.